



**Евгений
БУЗНИ**

**Первомайские
мальчики**

16+

Евгений Бузни

Первомайские мальчики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42341822

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман не является научной фантастикой в прямом смысле, хотя открытия, сделанного учёным, на самом деле не было. Суть открытия в том, что придуманное учёным вещество оказало воздействие на миллионы женщин и мужчин, заставившее их первомайской ночью предаться любви, в результате которой все женщины, подверженные этой любви, должны были родить мальчиков-близнецов. В остро сюжетном романе есть любовь и ненависть, лирические картины и политические конфликты. Для читателя всё, что происходит в книге, всегда непредсказуемо, как не предсказуем до последних страниц и финал произведения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Должен вам сказать, дорогой читатель, что это не входило ни в какие привычные рамки. Я даже не знаю, как подойти к тому, о чём пойдёт речь. Было ли это добрым делом или злым, но одни люди просто скакали от счастья и благодарили все небесные силы за доставленную им радость, а другие напротив проклинали всё те же небесные силы за происшедшее с ними, хотя произошло со всеми одно и то же. Вот и думай тут, что человеку лучше.

Правильно сказал учёный – всё в мире относительно. То, что хорошо одному, другому может быть как раз очень плохо. Отсюда, наверное, и происходят все неприятности. Впрочем, опять-таки я не могу этого утверждать. Кому-то эти неприятности могут казаться вполне приятностями без отрицательной приставки «не». Что же тогда делать?

А расскажу-ка я об этом деле, как оно было, не мудрствуя лукаво. Читатель тоже, небось, не лыком шит и сам раскумекает, что и как.

Сенсация наша всплывала подобно куску только что родившегося масла в не до конца разрезанной сметане. Это была настоящая сенсация, которую никто не предвидел. И в самом деле, сенсацией может быть лишь то, чего никто не ждёт, но оно происходит. Хотя, конечно, меня читатель сразу поправит, что бывает ожидаемая сенсация. Да-да, разумеется, но это уже будет не совсем сенсация. То есть не та, что переворачивает всё в душе человека с ног на голову, когда

он в изумлении останавливается и говорит не только самому себе, но и первому встречному: «Нет, ну этого вообще быть не может, однако вот есть же. Не понимаю».

Нет-нет, предсказуемая сенсация – это далеко не та сенсация, о которой мне придётся поведать читателю. Ведь вот вы смотрите чемпионат мира, например, в беге на четыреста метров с препятствиями и думаете, что победит высокий негр-американец, который и раньше побеждал, потому что равных ему нет, и все это знают. И вот он бежит действительно первым.

А проводятся соревнования, как обычно летом, когда кругом всё в природе цветёт, поёт, летает. Особенно много летает насекомых. Среди них бывают пчёлы, которых наш американский бегун боится, как огня, потому что они его как-то сильно покусали на пасеке. И вот происходит так, что на стадион залетает чисто случайно пчела, да оказывается на беговой дорожке как раз в тот момент, когда постоянный чемпион переносит свою нетолчковую левую ногу через препятствие. Пчела сама не ожидает, но попадает не в глаз, а в бровь спортсмена, и по инерции, а не специально, ту бровь жалит.

Что тут происходит! Американский чемпион, приземлившись на левую ногу, поскольку уже летел, совершенно внезапно круто разворачивается и с криком «Ой-ой-ой!» мчится в обратную сторону, опять перепрыгивая через препятствия, но уже правой ногой.

Вот это сенсация. Победил-то теперь коротышка из Ита-

лии, но его поклонники радостно говорят, что давно ожидали эту неожиданность, когда победит их маленький, но очень шустрый бегун. Ясное дело, что помогла тут пчела, однако когда все бегуны были ещё на старте, зрители только и думали, не произойдёт ли сенсация – не упадёт ли чемпион на одно из препятствий, не пролетит ли пулей тот, кто ни разу не побеждал. Стало быть, ожидали сенсацию. И так во всех соревнованиях: кому-то хочется побед, а кому-то сенсаций. И то и другое просто необходимо для человека, чтобы кровь внутри него не застаивалась, чтобы она закипала и вызывала желание поговорить, посудачить, повозмущаться и порадоваться.

Вот и вы, милейший читатель, не стали бы дальше переворачивать страницы этой истории, если бы думали, что она будет скучно излагать довольно скучные всем известные события. А так, вы листаете, потому что внутри уже зародился огонёк нетерпения узнать, что же такое сенсационное могло произойти, чего ещё никто не видел и не слышал. У иного так ещё и червячок сомнения зашевелился, мол, ничего такого удивительного и не может быть, а, значит, скоро можно будет сказать автору, что он, де, только дурит читателя обещаниями.

Я же попрошу таких торопыг попридержать коня своего нетерпения и не пришпоривать его иглами своего недоверия, поскольку начиналось всё чрезвычайно буднично в обычной городской женской консультации самого заурядного района

столицы.

ДЕНЬ СЮРПРИЗОВ

Сюрприз первый и второй

Говорят, что фамилия человека не имеет значения для выбора им профессии. Я так не считаю. Посудите сами. Ну, может ли человек с фамилией Медведев работать на самой рядовой должности? Сколько-то дней или месяцев поначалу, может, и придётся быть в рядовом составе, но, уверяю вас, не вечно. Обязательно вышестоящее начальство обратит внимание на Медведева и безо всякой задней мысли подумает о том, что этого человека надо продвинуть по служебной лестнице. Оно, начальство, не обязательно и задумается над магией самой фамилии, подумает, что деловые качества Медведева позволяют его повысить в должности, тогда как на самом деле другие рядовые сотрудники обладают теми же качествами, что и Медведев, с тою лишь разницей, что фамилии у них то ли Зайчиков, то ли Мышкин. Не говоря о вообще нейтральных фамилиях, происходящих от имён Иван, Пётр, Алексей и так далее, которые сами по себе ни о каких признаках не говорят.

Да и сам человек с фамилией Медведев с самого детства привыкает себя держать солидно, соответственно своей фамилии. Так что, возможно, начальство и правильно делает, что обращает внимание на Медведева в первую очередь.

В нашей истории произошло ровно то же самое. Только

фамилия героя была не Медведев, не Генералов, не Инженеров, наконец, а Девочкин. Ну и кем он должен был стать в жизни, о какой работе мечтать? Конечно, ему с первых пор сознательности только и приходилось слышать, что он принадлежит девочкам, так как фамилия у него такая. Да и часто приходилось ему, слыша крик «Девочки!», думать, что это его окликают по фамилии. Словом, отбросил наш Девочкин, имя которому было Николай, в сторону все бесполезные мечтания о том, чтобы стать лётчиком, подводником или на худой конец изобретателем, и поступил в медицинский институт на факультет гинекологии, чтоб соответствовать своей фамилии, посвятив себя молодым женщинам.

Однако всё, что рассказано, является лишь предысторией, а сама история впереди. Заметим только ещё, что студентом юноша был прекрасным настолько, что ещё до окончания учёбы ему прочили аспирантуру. Но он решил с наукой не торопиться. Хотелось набраться побольше живой практики, чтобы не превратиться в замученного голого теоретика.

Кто не знает, что первые десять дней в месяце мае практически почти никто не работает. То праздничные дни, то предпраздничные, а то междупраздничные, когда не до работы. Так что настоящая работа в полную силу начинается в середине месяца. В такой именно день и пришёл Девочкин в свой рабочий кабинет женской консультации, и как следовало ожидать, на приём записалось много клиенток, но, как показалось, молодому врачу, их было всё же больше, чем он

ожидал.

День на день, разумеется, не приходится. Девочкин к этому времени имел довольно солидную практику, так как после окончания института и устройства на работу прошло чуть более восьми месяцев, то есть стаж пошёл. Женщин, желавших беременность и не вполне её приветствовавших, а то и вовсе отвергавших у себя как недопустимую, насмотрелся вдоволь и начал привыкать к тому, что семейная ситуация у каждой женщины совершенно особая для неё и абсолютно типичная с точки зрения врача.

Чтобы не смущать пациенток своей молодостью, Николай сразу после окончания института отпустил усы и бороду, которые придали Девочкину солидность. Кроме того, он носил очки в толстой оправе, что тоже немало способствовало созданию впечатления серьёзности и опытности гинеколога. Так что вошедшие в кабинет мамаша с четырнадцатилетней дочкой, несмотря на мужской пол гинеколога, скоро оправились от смущения и начали высказывать суть проблемы. Точнее, говорила сначала мамаша, весьма представительная собой дама, севшая на свободный стул у стола и указавшая девочке на кушетку.

– Доктор, поверьте, у меня очень хорошая воспитанная дочь. Нигде она ни в каких компаниях не бывает, с мальчиками не гуляет по улицам. Мы строго за нею следим. Но я заметила у неё такие признаки, которые заставили привести её к вам на всякий случай. Может, что-то не в порядке с ор-

ганизмом.

– Как тебя зовут? – спросил Девочкин, обращаясь к невысокого роста, но вполне сформировавшейся в плане женских очертаний девчужке, сидевшей с независимым выражением на лице, словно речь мамы её не касалась ни коим образом.

– Её зовут Маша, – быстро ответила мать.

– Очень хорошо, но мне бы хотелось слышать ответы от девочки – мягко заметил Девочкин и, поправив на переносице очки, задал следующий стандартный вопрос:

– Тебе сколько лет?

Мамаша быстро повернулась к дочери.

– Отвечай сама, раз доктор просит.

– Четырнадцать, но скоро будет пятнадцать.

– Так уж и скоро, – возмутилась мамаша, – в следующем году.

– Это скоро, – упрямо сказала девочка.

– Понятно-понятно, – оборвал начинавшийся спор Девочкин. – Я тебя осмотрю. Пройди, пожалуйста, за ширму и сними нижнюю часть одежды.

Лицо девочки вспыхнуло краской, но врач смотрел в сторону, думая, казалось, о чём-то своём. Только мать не знала точно, на кого смотреть и что говорить, потому переводила свой взгляд с дочери на бородатое лицо доктора. Тогда Маша, не дожидаясь материнской поддержки и, чувствуя внутренне, что та сама растерялась, быстро поднялась и пошла за матерчатую перегородку.

Девочкин любил разговаривать с пациентками подчёркнуто интеллигентно, избегая называть предметы женского туалета или некоторые части тела своими именами. Предлагая даме разоблачиться, он говорил строго, но обтекаемыми словами: «Освободите, пожалуйста, вашу верхнюю часть тела от одежды» или «Вас не затруднит снять и то, что на вас осталось? Мне нужно осмотреть вас подробнее». Хотя, ему не раз приходилось слышать, как врачи-мужчины с большим стажем работы разговаривали с молодыми женщинами значительно проще и грубее: «Раздеться! Да нечего краснеть тут. Я не первый мужик, раз пришла сюда».

Такой стиль беседы Девочкину не нравился. И, право же, его обходительное отношение заставляло некоторых пациенток сразу же влюбляться в молодого и весьма привлекательного врача, особенно в тех случаях, когда причина их появления здесь была связана с не очень приятными воспоминаниями. Не всегда же любовь бывала желанной и обоюдной. И кто знает, с какими трудностями взаимоотношений с женщинами встречался бы Девочкин на такой работе, если бы не тот факт, что во время приёма всегда присутствовала медсестра.

Вот и теперь она сидела сбоку стола, держа в руке шариковую ручку и готовая что-то записывать на чистом листе бумаги.

– А почему здесь только ваша карточка? – спросил Девочкин, глядя на документ перед собой, но тут же сконфуженно

пробормотал: – Ах, да, понятно. Татьяна Ивановна, заведите листок на девочку, а я пока произведу осмотр.

Медсестра была женщина крупного телосложения лет пятидесяти от роду. Заметив взгляд посетительницы, проводивший врача за ширму и вопросительно обращённый теперь к сестре, Татьяна Ивановна успокаивающе прошептала:

– Не переживайте, это очень хороший врач, хоть и молодой. У него рука лёгкая.

И уже в полный голос стала спрашивать:

– Так, повторите мне фамилию и имя девочки. Когда родилась? Где живёт? Где учится? Как учится? Есть ли друзья? Кто они? Часто ли приходят в квартиру?

Словом, вопросов было много. Отвечать не составляло никакого труда, но эти вопросы, казалось бы, не имели никакого отношения к проблемам, приведшим мать и дочь в консультацию. Однако разговор с медсестрой отвлекал и не давал возможности Анне Константиновне, так звали мать девочки, разобраться, о чём переговаривались за перегородкой.

Но вот Девочкин вышел из-за ширмы, снял с рук резиновые перчатки и, бросив их в раковину умывальника, молча сел в своё кресло. Опершись локтями на стол, он двумя ладонями накрыл свою бороду, утопив большие пальцы рук в щёки, и внимательно, как бы изучающе, посмотрел прямо в лицо сидевшей перед ним милостивой женщины.

– Ну что? – коротко спросила она.

Ответ последовал не сразу. Сначала появилась девочка.

От прежнего независимого вида её не осталось и следа. Она, молча, и как-то боком присела на краешек кушетки.

– Маша собирается стать матерью, – негромко сказал Девочкин, избегая простой, но резкой, как он думал, фразы «Она беременна».

– Да вы что? – женщина едва сдержалась, чтобы не добавить «С ума сошли?» – Ей только четырнадцать лет, и она ни с кем не могла быть.

– Была, к сожалению, – спокойно произнёс Николай, стараясь говорить как можно мягче. – Маша, расскажи, как всё было. Теперь уж ничего не поделаешь. Надо рассказать.

– Да, что рассказывать? Я знаю, что этого не может быть, – возмущённо заговорила Анна Константиновна, но тут же была остановлена словами дочери.

– Мама, откуда же я знала, что так получится? Мы с Сашей и не думали ничего такого.

– С каким Сашей? С соседом, что ли?

– Да, с ним.

– Так ведь ему тоже всего четырнадцать лет. Он только на два месяца старше. – Анна Константиновна развела руками, глядя то на доктора, то на медсестру. – У них ничего не могло получиться. Это же смешно. Они учатся в одном классе. Да они и любовью никогда не занимались.

– Занимались, – тихо сказала Маша, опустив голову. – Но мы хотели только попробовать, как в кино. Помнишь, мама, первого мая я пошла к Саше в гости вечером? Мы сначала

смотрели по видуку фильм про секс, а потом пошли на балкон, так как на улице начали пускать ракеты. Там ещё взлетела одна красивая яркая ракета, которая повисла высоко в небе и не гасла. И мне вдруг очень захотелось, чтобы Саша меня поцеловал. Я попросила его обнять меня. А он говорит: «Давай, попробуем, как в кино». Ну, мы попробовали и всё. А потом я пошла домой.

– Боже мой! – воскликнула Анна Константиновна, – но ведь это ещё совсем мальчик. Вы что же прямо на балконе этим занимались?

– Нет, пошли в ванную.

– А родители его куда смотрели?

– Их не было. Ушли к кому-то в гости.

– Но он физически ничего не мог сделать.

– Это действительно не совсем понятно. Половое созревание мальчиков обычно начинается с тринадцати лет, но именно начинается. Странно, конечно, – согласился Девочкин и, как бы подводя итог, заключил: – Однако факт налицо – ваша девочка получила всё, чтобы стать матерью. Это главное, о чём надо сейчас думать. Конечно, нужно ещё сдать анализы и так далее, но тем не менее. Извините, но у меня сегодня много клиентов.

И, наверное, читатель думает, что сюрпризы на этом закончились. Так думал и Девочкин, но ошибался.

Мама попросила неожиданно повзрослевшую дочку подождать в коридоре, и как только та вышла, повернулась снова

к врачу:

– Я потрясена. Просто не хочется верить. И, надеюсь, что это ошибка, хотя сам факт, который не отрицает дочь, невероятен. И всё же, пользуясь случаем, раз уж я пришла, то вы меня извините, пожалуйста, но хотела бы обратиться с просьбой осмотреть и меня.

И она рассказала о своих недавно возникших женских проблемах, заключив словами:

– Я-то не могу быть в положении. Мне уж за пятьдесят только что перевалило. Но ощущение точно такое, как пятнадцать лет назад. Куда это годится?

Девочкин пригласил мамашу за ширму и через некоторое время оттуда послышался его бодрый голос:

– Да у вас всё в порядке, мамаша. Вы в таком же положении, как и дочь. И, как я понимаю, из ваших слов, любовь оказалась плодотворной в тот же вечер первого мая?

– Но ведь это совершенно невозможно. Доктор, а вы не ошибаетесь?

– Николай Сергеевич никогда не ошибается, – чётко и громко произнесла Татьяна Ивановна, отрываясь от записей. – Его молодость не мешает ему быть у нас самым авторитетным специалистом.

Несколько минут спустя, все трое опять сидели за одним столом. Анна Константиновна была вся в таком сильном состоянии смущения, которое легко можно принять за шок. Трудно было понять только, что больше её взволновало – бе-

ременность ли её несовершеннолетней дочери, во что она никак не хотела поверить, или её собственная, как она сказала, беспечность.

– Я ни за что бы не поверила, что могу снова оказаться в таком положении. Разве так поздно рожают? – спрашивала она, не зная, куда девать мешавшие ей почему-то руки. – Что же нам теперь вместе с дочкой на роды идти? Да что мне муж скажет?

– А вы не волнуйтесь так, – философски ответил Девочкин. – В медицинской практике известен случай, когда женщина в Англии родила своего тринадцатого по счёту ребёнка на семьдесят третьем году жизни. Правда, произошло это в начале восемнадцатого века и данные не подтверждены документально. Более достоверным фактом, насколько я знаю, является рождение девочки Сюзанны в 1956 году в Калифорнии. Её матери было пятьдесят семь лет. Так что вы ещё молоды в этом смысле. А муж ваш, думаю, только радоваться должен тому, что у него сразу и сын появится и внука или наоборот.

– Ах, я не знаю, – сказала женщина задумчиво и вышла, забыв даже попрощаться.

Сюрприз третий

– Следующая, – громко возгласила медсестра в открывшуюся дверь, и в кабинет тотчас вошла худенькая невысокая женщина.

Она была подчёркнуто аккуратно одета. Длинная чёрная

юбка скрывает колени. Поясок на талии неброский, чёрный без каких-либо претензий на украшательство. Не смотря на то, что приближалось лето, и погода уже установилась почти жаркой, посетительница была застёгнута на все многочисленные пуговицы, что называется, по самое горло, волосы на голове гладко зачёсаны и собраны сзади в тугий узел, тонкие губы без признаков помады поджаты, словно обижены на всю жизнь. Большие глаза, если бы оттенить слегка веки и развести немного тушью, могли показаться очень красивыми, но этого сделано не было, и потому они несколько отталкивали выпуклостью. То есть по внешнему виду можно было сразу определить, что женщина одинока, ничего себе лишнего в отношениях с мужчинами не позволяет. У предыдущей посетительницы макияж был выполнен тщательно, с явным желанием нравиться мужчинам. У новой пациентки такого стремления не наблюдалось и потому её появление, очевидно, было вызвано не романтической историей любви.

Девочкин приготовился выслушать жалобы на заурядную женскую болезнь и, пригласив женщину сесть, соответственно задал стандартный вопрос:

– Слушаю. Что вас беспокоит?

– Я, право, не уверена... Нет, я положительно не знаю...

То есть, может быть, мне и не стоило... Я знаете ли...

Волнение пациентки было очевидным. Она начинала говорить и не заканчивала фразы. Руки, закрытые до самых запястий рукавами тёмной кофточки, но с ярко белыми от-

воротами, дрожали.

Татьяна Ивановна положила свою крупную ладонь на маленькие руки посетительницы, мягко прижав их к столу, и спокойным голосом сказала:

– Успокойтесь, женщина. Вы не на экзамене. Здесь врач. Говорите по существу, что случилось. Всё будет нормально. Не переживайте.

Женщина благодарными глазами посмотрела на медсестру и, если прежде она говорила, опустив глаза, то теперь отвечала, глядя в лицо Татьяны Ивановны, словно именно она была здесь главным слушателем:

– Я, как вы понимаете, из числа старых дев. Мужчин я, извините, – тут она бросила короткий взгляд на Девочкина, – вообще терпеть не могу, хотя никогда им об этом не говорила. Почему так – это слишком долгая история.

– Да, пожалуйста, её нам не рассказывайте, – вступил тут же в разговор Девочкин. – Это, может быть интересно, да только у нас сегодня много посетителей. Скажите лучше, что вас беспокоит.

– Так я об этом и хочу сказать, – тоном педантичного преподавателя вдруг заговорила пациентка. Слова врача почти возвратили её в обычное состояние. – Я никогда не была раньше с мужчинами и даже не собиралась. И я просто не понимаю, что на меня нашло в тот вечер. Да, но не будем.

Алла Владимировна не стала рассказывать о том, что была библиотекарем научно-исследовательского института уже

много лет. Собственно, пришла она на эту должность сразу после окончания института культуры. В библиотеке работало всего три человека. Заведующая оказалась лишь на пять лет старше, так что о перспективе роста даже не стоило мечтать. Да она о том и не думала. Приходила вовремя на рабочее место, выдавала книги, записывала новых читателей. А они – читатели – представлялись очень интеллигентными серьёзными людьми. Многие имели учёные степени, заходили в зал чинно, думая, казалось, только о своих публикациях и будущих открытиях.

В молодости Алла красотой особой не блистала, однако разве кто-то может с уверенностью сказать, что то или это определённо некрасиво для всех или, напротив, каждого будет восхищать. Впрочем, сказать убеждённо можно, только это будет неправда. Всё в мире так относительно, так разнообразно, что один и тот же человек кому-то придётся по сердцу, как нечто из ряда вон выходящее, а другому он же претит настолько, что тот видеть его не может. Поэтому, разумеется, находились люди, что бросали недвусмысленные взгляды на молодую библиотекаршу и приглашали погулять куда-то или даже посидеть в ресторане, когда это было ещё не так дорого. Но Аллочка, которую так все ласково называют до сих пор за её скромный характер, ни с кем никуда не ходила, отвечая на предложения всегда одинаково:

– Нет, ну что вы, спасибо за приглашение, но я не могу. Поищите себе кого-нибудь поинтересней.

И так постепенно шли годы. Сохранившийся некоторое время шарм юности потихоньку таял. Заговаривать о совместных прогулках с Аллочкой стали всё реже и реже, а потом и вовсе прекратили, теперь уже даже побаиваясь строгого взгляда и чересчур серьёзных всегда поджатых губ.

После работы Аллочка сразу ехала домой, где её ожидала часто болевшая мама и три кошки, на которых уходила вся её любовь. Отец бросил семью давно, что и послужило одной из причин ненависти маленькой тогда девочки к мужчинам вообще. Но в мире существует закон равного количества и неравного расходования любви, который заключается в том, что у каждого родившегося человека внутри закладывается определённое содержание любовной энергии, которая обязательно должна быть растрочена в жизни. Вопрос только в том, на что она уходит – эта энергия любви.

У некоторых людей она распределяется пропорционально на всё: немного на работу, немного на семью, немного на развлечения. У других что-то обязательно превалирует. Любит он, скажем, фанатично музыку, или изобретательство, или спорт, и вот уже значительно меньше остаётся у него любви на женщин, детей, развлечения другого плана. Ему не очень хочется читать, писать. А другому, что любит как раз писать и делаться кумиром читателей, не нравится играть в футбол или заниматься скучной для него математикой или физикой.

Аллочка тратила свою любовь на маму, кошек и чтение книг, чем и удовлетворяла себя полностью, считая, что, как

можно, устроена в этой жизни. Однако это никак не означает, что Аллочка вела совершенно замкнутый образ жизни и была нелюдимой. Она не умела сама шутить, но улыбнуться шутке могла, если в ней не было ничего скабрёзного. Если же что-то такое проскальзывало в словах, то она немедленно возмущалась:

– Ну, зачем вы такое говорите, что даже слушать неудобно?

Во всех мероприятиях института она принимала участие в качестве рядового члена коллектива, то есть склонностей к выступлениям на сцене или к любой организаторской деятельности она не испытывала, но от присутствия не уклонялась и вполне получала от всего удовольствие, которое могла потом обсудить с посетителями библиотеки. Если собирали деньги на подарок ко дню рождения или ещё по какому-либо случаю, она безропотно выделяла определённый минимум из своего небогатого бюджета. Словом, в жизни коллектива старалась особенно не выделяться.

Вот и первого мая у них было очередное мероприятие. В целях сближения сотрудников друг с другом придумали провести пикник на природе, как бывало в старое доброе время. Желавшие участвовать сбросились по относительно незначительной сумме денег для приобретения выпивки и закуски, дирекция выделила автобус бесплатно, и небольшая группа из тридцати записавшихся выехала почти в полдень за город на дачу одного из завлабов. Дача находилась почти

на берегу реки да в окружении леса, почему и было выбрано это место. Решили организовать шашлыки, а когда стемнеет, разжечь костёр и печь картошку.

Подготовлено всё было замечательно. Алла Владимировна могла только радоваться.

Между прочим, некоторые сотрудники продолжали называть её Аллочка, так как уж известно, что, если кто-то работает на одном месте почти с юношеских пор, то изменение возраста не замечается одновременно стареющими товарищами, а потому и обращение между ними сохраняется молодёжное весьма долго, пока кому-нибудь из них это не покажется странным и неловким. Аллочка уже намекнула кое-кому, что она, хоть и простой библиотекарь, но тоже имеет право на уважительное обращение по имени и отчеству, так что по-прежнему ласкательно её осмеливались называть по привычке лишь несколько наиболее упёртых существенно старше по возрасту учёных.

Неподалёку от дачи в лесу была чудная поляна, на которой и шумел пикник. На двух мангалах жарились шашлыки. Вина и водки было вполне достаточно, чтобы все могли настроиться на желание петь и веселиться. Здесь можно было забыть хоть на время о проблемах, связанных с недостаточным финансированием науки и соответственно низкими зарплатами учёных. Майский лесной воздух, свежая зелень, яркие цветы – всё вокруг радовало и восхищало.

Когда стемнело, разожгли костёр. Никто никуда не торо-

пился. Отъезд наметили около полуночи, когда и трасса к столице станет посвободней, и все уже устанут отдыхать. Костёр пылал ярко. Картофель класть было рано. Сидевшие вокруг костра пили и закусывали салом да солёными помидорчиками. Где-то в стороне города взлетела ракета и зависла весьма яркой звёздочкой на такой долгий срок, что каждый на неё обратил внимание, пытаясь угадать, почему она столько времени не гаснет. Кто-то предположил даже, что это не простая ракета, а нечто экспериментальное, запущенное военными. И, может, даже это вовсе не ракета, а самолёт, от которого на таком расстоянии только свет и виден.

Однако через некоторое время от костра начали уходить, как бы посмотреть на звёздное небо из темноты, то одна парочка людей, то другая. И как-то неожиданно получилось, что у огня остались сидеть Алла Владимировна и, можно сказать, хозяин пикника завлаб Николай Николаевич. Это был прекрасный человек, к которому Аллочка, несмотря на всю свою нелюбовь к мужчинам, относилась с определённым уважением. Недавно в институте отмечали его шестидесятипятилетие. Он давно уже считался известным в стране и даже за рубежом учёным, основателем своей школы, что в наше время рассматривается как редкость. Доктором наук, профессором и знаменитостью он стал фактически на глазах Аллочки, которая не раз подбирала ему в библиотеке нужную по его теме литературу.

Между библиотекаршей и серьёзным учёным, обременён-

ным не только наукой, но и семьёй, никаких неделовых отношений никогда не возникало даже после смерти его жены, пять лет назад оставившей его вдовцом и почти одиноким человеком, поскольку единственный сын успел вырасти и уехать с молодой женой жить и работать за границу.

Николай Николаевич был как раз одним из тех, кто продолжал называть Аллу Владимировну Аллочкой, а она до сих пор не осмеливалась воспротивиться этому. Вот и сейчас у костра, увидев, что они остались одни, он сказал своим обычным мягким негромким голосом:

– А что, Аллочка, раз уж все куда-то разбежались, давайте я покажу вам свою дачную библиотеку, если вы, конечно, не возражаете. Картошку в золу я побросал, пусть печётся пока.

Аллочка почувствовала, как у неё задрожали руки. Более того, уже некоторое время назад, когда все начали куда-то расходиться, ей показалось, что внутри всего тела её рождается совершенно странное для неё ощущение, которого она никогда не испытывала прежде. Ей подумалось, что становится жарко, но не столько от костра, сколько от какого-то внутреннего огня, вызывающего нервную дрожь всего тела. Куда-то исчезло постоянное чувство брезгливости к мужчинам, которое позволяло легко от них отталкиваться, когда они, оказавшись с нею наедине, начинали заигрывать. Ей показалось, что Николай Николаевич, особое предпочтение которому она никогда не оказывала, как однако же и другим лицам мужского пола, сейчас будто бы не вызывает привыч-

ного внутреннего сопротивления. И потому сейчас, когда он предложил пройти к нему на дачу посмотреть библиотеку, она вопреки всем своим многолетним убеждениям никогда не оказываться с мужчинами в ситуациях, могущих стать пикантными, вдруг неожиданно для самой себя сразу согласилась, сказав совершенно для себя невероятное:

– Отчего же, Николай Николаевич, я даже с превеликим удовольствием гляну на ваши книги.

Они встали и пошли уже потемневшим лесом. Одна Аллочка наверняка бы сбилась с пути, но впереди шёл провожатый, прекрасно знавший тропинку, да и участок-то находился совсем рядом. И всё же Аллочка, чтобы не отстать, осторожно положила почему-то дрожавшую руку на плечо спутника. Потеряться она боялась больше всего. Но эта мысль, если и сидела, то где-то очень глубоко в сознании, а на первом плане беспокойно стояли совершенно другие размышления. Аллочка пыталась объяснить себе, что происходит, почему она не осталась спокойно сидеть у костра подкладывать в гаснущее пламя собранные ветки и ожидать возвращения разбежавшихся неизвестно куда гостей. Идёт за мужчиной в какой-то дом, где и свет ещё не горит, и вообще кто знает, что там будет. Но какая-то сила её толкнула на этот шаг и она шла, не замечая, как то слева, то справа раздавался чей-то тихий шёпот и сдавленный смех.

Но вот они вошли через калитку в сад, где было столь же темно, что и в лесу, благодаря густоте кустов и деревьев. Ни-

колай Николаевич пропустил тут Аллочку вперёд, чтобы закрыть за нею калитку. Так что она, не видя куда, пошла было, но тут же на что-то наткнулась, ойкнула от неожиданности и неловко повалилась вперёд.

– Ах ты, боже мой! – воскликнул Николай Николаевич, – я же совсем забыл предупредить, что у меня здесь кушетка стоит. Я на ней сплю иногда, чтобы дышать свежим воздухом в тёплые, как сегодня, ночи, – говорил он, поворачиваясь от калитки. Он не понял, что женщина упала, потому резко пошёл вперёд и споткнулся об её ноги, которые, конечно, ещё не были убраны, а несколько зависли в воздухе, так как сама хозяйка их лежала поперёк кушетки.

Я же разумею так, что интим существует для двоих или одного, не более. Как только о сокровенных чувствах и почти неосознанных действиях, вызванных не расчётом и чёткими принципами, а чем-то исключительно сверхъестественным, лишённым всякого понимания, сознательного восприятия, действиях, происходящих помимо воли, но удовлетворяющих всецело тебя и его или её, то есть существо противоположного пола, как только об этих поистине необъяснимых взаимопроникновениях чувств, сопровождаемых ласками, стонами, рыданиями и кто знает ещё чем узнают третьи, четвёртые и другие лица, да начинают это обсуждать вслух, внося свои то завистливые, то злобные комментарии, тотчас таинство интима исчезает, превращаясь в обычный вульгарный разврат, достойный всякого порицания.

Нет, всякий интим должен оставаться недостижимым для третьего, а порой даже и второго человека, то бишь самого партнёра или партнёрши по любви (тьфу, какое техническое слово, совсем неподходящее для влюблённых), должно быть отталкивающим от себя любое чужое прикосновение. От посторонних касаний интим портится, и красота его вянет, как цветок мимозы, кто бы к нему ни притронулся.

Вот почему я не стану описывать, как смущённый своей оплошностью Николай Николаевич попытался поднять с садовой кушетки свою гостью, а та, протянув вперёд руки, в темноте случайно обхватила шею наклонившегося мужчины, и они оба очутились на кушетке, но по какой-то неведомой им причине теперь не стали подниматься, а напротив стали лихорадочно сбрасывать с себя одежды.

Позже, через несколько дней, в одно из межпраздничных будней, когда они случайно встретились и даже не в библиотеке, куда Николай Николаевич попросту боялся теперь войти, а во дворе института под огромной серебристой елью, Аллочка, торопившаяся неизвестно куда, вдруг остановилась, едва не наткнувшись на Николая Николаевича и, остолбенело глядя ему в глаза, тихо произнесла:

– Здравствуйте! А что это было?

– Я сам не знаю, – смущённо пробормотал он, забыв ответить на приветствие, и робко предложил, указывая на скамейку под елью: – Давайте присядем, поговорим.

– Извините, мне некогда, – несколько резковато ответила

Аллочка и буквально ринулась к другому корпусу института.

Обескураженный сухим ответом Николай Николаевич сам сел на скамью, вспоминая, как совсем недавно держал в объятиях эту убегающую от него сейчас женщину. Он и в самом деле до сих пор не мог объяснить себе, как всё случилось.

Жаркие, почти безумные поцелуи, объятия, крик от неожиданной боли впервые познавшей физическую любовь немолодой уже женщины и затем тиски не отпускающих от себя рук – всё пролетело как один миг.

Обессиленный, но счастливый, каким давно себя не ощущал, Николай Николаевич начал подниматься лишь тогда, когда до него как из тумана донёлся отрезвевший от пожара любви голос:

– Пора идти. Нас, наверное, ждут у костра.

Женщины трезвеют быстрее.

К счастью, разбежавшиеся по лесу парочки собирались к затухающему костру медленно, и никто не только не заметил их отсутствия, но и не обратил внимания на необычную бледность лица Аллочки и растерянность Николая Николаевича. В Москву возвращались далеко за полночь. Песни хором, как принято у них было, в этот раз не пели. Чей-то один голос затянул было всеми любимую про чёрного кота, но никто не подхватил, и песня оборвалась. Всем захотелось спать.

Понятное дело, всю эту историю, в которой Аллочка пока не разобралась, она не могла рассказать никому, даже вра-

чу, тем более такому молодому. Поэтому после долгих маловразумительных пояснений того, что именно заставило её придти в женскую консультацию, она попросила всё же сказать, чем могут быть вызваны некоторые ненормальности поведения её женского организма.

Девочкин давно понял, что женщина нуждается в осмотре, но ему никак не удавалось остановить речь Аллочки, старавшейся убедить медсестру (на врача она не смотрела) в том, что здесь не может быть и речи о какой-то распушенности, но любая случайность могла, быть может, привести к какой-то болезни или ещё чему-то.

В один из коротких моментов, когда Аллочка вздохнула перед очередной тирадой слов, Девочкин успел всё же ввернуть:

– Извините, сударыня, пройдите, пожалуйста, за ширму.

Слово «сударыня» оказалось самой удачной находкой Девочкина для данной ситуации. Он догадался, что перед ним женщина, привыкшая к официальным отношениям. Обращение «девушка» могло обидеть, так как возраст всё-таки был не девичий. Назвать женщиной, когда было ясно из рассказа, что дама никогда не была замужем, а потому могла вспылить, заявив, что она девица, тоже было бы неверным. Зато не совсем привычное в современном обиходе старинное русское «сударыня» могло в этом случае очень подойти, и Девочкин не ошибся.

Аллочка мгновенно забыла, что ещё хотела сказать, под-

нялась со стула и с видом обречённого на экзекуцию человека направилась в указанном ей направлении. А за ширмой, как обычно, пациенты выполняют все указания врача безоговорочно.

Не прошло и десяти минут, но которые показались Аллочке томительной вечностью, как она услышала чёткую, словно приговор, фразу:

– Вы беременны, сударыня. Поздравляю!

Ответ не заставил себя ждать:

– Бросьте шутить, молодой человек. Я вам не девочка. Мне больше сорока. Не боюсь говорить вам это, поскольку вы знаете мой возраст из медицинской карты. Так что моё материнское время прошло.

– Позвольте, Алла Владимировна, с вами не согласиться, – мягко возразил Девочкин, называя пациентку по имени и отчеству умышленно, зная, что такое обращение делает отношения в подобной ситуации более доверительными. – Данные осмотра абсолютно точно доказывают обратное, тем более что выглядите вы весьма молодо и вполне способны рожать.

– Благодарю за комплимент, – подчёркнуто вежливо, но сухо, сказала Аллочка, заканчивая приводить себя в порядок, – но всё равно я пойду к другому врачу. Мне очень не верится, что я могла так вдруг забеременеть.

– Ваше право, – жёстко бросил Девочкин, отодвигая ширму и проходя вперёд. Ему очень не нравилось, когда прихо-

дившие в расстройство от слов врача посетительницы срывали на нём своё недовольство, прекрасно понимая, что не он виноват в их новом положении, и обещали обратиться к более опытному специалисту. – Однако уверяю вас, что другого диагноза вы не услышите. Что же касается вашего возраста, то история знает немало примеров, когда женщины рожали здоровых детей и в значительно более позднем возрасте. Будьте здоровы!

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ

Нос картошкой

Романом звали молодого человека, закончившего самую обычную одиннадцатилетнюю школу и поступившего безо всякой передышки в технический университет на факультет приборостроения, который уже заканчивал в этом году. Впрочем, такое определение можно было бы дать сотням других юношей, успешно ставших студентами, меж тем как Роман был личностью необычную потому хотя бы, что с самых ранних лет чувствовал себя изобретателем.

Возможно, к изобретательству его привели семейные обстоятельства. Во-первых, отец Николай Иванович Наукин был инженером какого-то закрытого предприятия, часто сутками пропадал на своих испытаниях, а в редкие свободные дни приносил сыну чуть ли не с детского сада всякие электронные устройства в виде самоходных машин, поездов, самолётов, пароходиков, управляемых на расстоянии специ-

альными пультами.

Сложные электронные механизмы постоянно выходили из строя и чаще всего по той причине, что Роману всегда хотелось изучить содержимое игрушек и понять, что же их заставляет двигаться. Часами он сидел над поломанными устройствами, но научился-таки их разбирать и снова заставлять действовать.

Вторым семейным обстоятельством было то, что Роман очень любил свою младшую сестрёнку Катюку (так он ласково называл свою сестру), у которой тоже всегда ломались игрушки, но не потому, что она хотела их разобрать, а потому, что она их просто ломала и сразу же в слезах бежала за помощью к брату. Тот никогда ей ни в чём не отказывал, а сразу придумывал, как приделать оторванную у куклы руку, да так, что её потом и клещами не оторвёшь, как сделать качели из поломанной скамейки, чем заменить обвалившуюся крышу игрушечного домика.

Словом, Роман рос мастером на все руки. Когда он стал не маленьким мальчиком, а подростком, то мама в случае каких-либо домашних поломок уже не ожидала возвращения с работы мужа, а по всем вопросам ремонта обращалась к сыну. Потому совсем не удивительно, что некогда детская комната Романа и Катюки вскоре превратилась в мастерскую Романа, в шкафах которой можно было увидеть кроме инструментов на все случаи жизни несколько мониторов разобранных компьютеров, всевозможные системные блоки, платы,

соединительные провода, штекеры, разъёмы.

Но что удивительно на первый взгляд, рабочий стол Романа украшали батареи стеклянных пробирок, колбочек, мензурок. Это стекло, правда, стало появляться после седьмого класса, когда у Романа возник интерес, может быть, не столько к химии как таковой, сколько к химической и физической сущности человеческого организма. Ему любопытно было, возможно ли оказывать влияние на человека так же дистанционно, как он управлял на расстоянии в воздухе самолётами, модели которых сам конструировал, машинами, телевизором и прочей техникой.

Роман рассматривал человека тоже как механизм, но созданный природой, подчиняющийся законам природы и, более того, управляемый дистанционно при помощи особых волн, излучаемых планетами галактики. «Ведь вот, – думал он, – лунатики подвержены воздействию луны, бессознательно выходят на её яркий свет и совершают удивительные переходы, о которых ничего не помнят, просыпаясь. Что-то же ими руководит во сне, заставляя открывать глаза, видеть путь своего движения и при этом не падать, находясь порой на краю крыши, откуда непременно свалились бы, будь они в полном сознании. И все гороскопы исстари основаны на влиянии определённого положения звёзд в небе на конкретного человека в определённые периоды его жизни».

Начинающему исследователю, а именно таковым по складу характера был Роман, хотелось разгадать тайну воздей-

ствия неизвестных пока человеку волн и научиться управлять ими. Потому он по мере возможности уходил с головой в книги не только по физике, но и по физиологии человека и его анатомии. Но это всё не мешало Роману иметь в комнате футбольный мяч и выходить иногда на небольшое футбольное поле в качестве вратаря. Телосложения он был крупного, роста высокого, так что в воротах был весьма заметен. А стоять на воротах ему нравилось совсем не так же как другим мальчишкам, мечтающим прославиться ловлей самых сложных мячей, посылаемых в дальний от вратаря угол. В игре ему нравилось совсем другое. Ему хотелось и, надо признать, часто удавалось угадать вовремя направление удара и полёта мяча по направлению взгляда нападающего, по едва уловимым признакам выражения его лица. То есть в футболе его привлекала не сама по себе игра с её результатом, а психологический аспект, что, впрочем, и помогало ему часто успешно отражать угловые, свободные удары вблизи штрафной площадки и даже пенальти. Понятно, что знаменитый на весь мир вратарь Лев Яшин был его кумиром в спорте.

Зимой, естественно, Роману приходилось играть в хоккей и тоже на воротах и тоже в редкие от научных изысканий часы. Зимняя хоккейная площадка, превращавшаяся весной в футбольное поле, находилась во дворе соседней школы, так что совмещать науку и спорт удавалось.

Не удавалось ему другое. Глядя на себя каждое утро в зеркало, он с неудовольствием обращал внимание на свой

крупный нос, кончик которого явно напоминал картофелину. Юноше, как говорят, атлетического сложения, с которым в пору было бы выступить на подиуме спортивных классических фигур, казалось, что в парня с таким носом картошкой невозможно было влюбиться. Он не мог, например, делать как отец, который, уходя на работу, останавливался в прихожей перед зеркалом и, глядя на своё отражение, говорил провожавшей его маме:

– Так, всё в порядке. Я как всегда красив и привлекателен.

Мама Иришка, как ласково называл её Николай Иванович, при этом всегда улыбалась и отвечала безо всякого оттенка сарказма в голосе:

– Красив, красив, только иди скорей, а то опоздаешь к своим обожательницам.

Папа уходил довольный. У него нос не был картошкой. Эту особенность лица Роман получил в наследство от матери. Однако её нос, хоть и выглядел картофелиной, но такой замечательной, что делал круглое вечно смеющееся личико женщины совершенно восхитительным. Картофелина настолько вписывалась в весёлый характер мамы, что без этого, казалось, припухшего окончания на носу чудесное миловидное личико потеряло бы своё очарование.

Ничего этого нельзя было сказать про нос Романа, что его и беспокоило в последнее время. И причина вполне понятна. В полном соответствии с возрастными особенностями Роман влюбился. Нет, не с первого взгляда. Разве можно влю-

биться таким образом в человека, которого знаешь почти с пелёнок? Но именно так, почти всю жизнь, знал Роман Алину, которая была подругой Катьки с детского сада. Иногда Роман приходил в садик за сестрёнкой и забирал сразу обеих девочек, поскольку Алина жила в их же многоэтажном доме, только на два этажа выше. Вообще-то они дружили семьями, часто бывали друг у друга в гостях, вместе отмечали праздники, делились радостями и горестями, и Алина являлась для Романа как бы приложением к Катьке.

Девочки были на пять лет моложе Романа, и он, как для любимой Катьки с первых дней её существования, так и для Алины, явившейся в их сообщество несколько позже, после переезда семьи Алины в Москву, стал непререкаемым авторитетом во всех вопросах. Но если Катьку Роман любил всей своей любовью любящего брата, то Алину он воспринимал в качестве вынужденного дополнения, у которого тоже постоянно что-то ломается, портится, теряется, а, значит, требует его помощи, ибо любимая Катька в случае любой беды тащила Алину с собой к своему брату.

Так что Роман относился к Алине как к своей второй сестре, а потому никаких мыслей о любви к ней у него даже не возникало до одного внезапно случившегося обстоятельства.

Алина всегда носила на голове две косички. Понятно, что косичками они были у Алины маленькой, а у подростковой и повзрослевшей девушки они превратились в косы и весьма

внушительные, поскольку никогда не укорачивались. И, тем не менее, эти косы продолжали напоминать собой девчонку.

И вот однажды, а именно совсем недавно, точнее ровно год назад, Катька пришла домой с Алиной, когда Роман был дома. Они вошли в его комнату, и парень, стоя у своего рабочего стола, остолбенело вытаращил глаза. Вместо привычной девчонки Алины с длинными косами и большими бантами перед ним стояла, потупив в смущении глаза, взрослая девушка, на плечи которой волнами спадали роскошные золотящиеся в лучах солнца волосы.

Друзья мои, вам когда-нибудь доводилось видеть юную красавицу, впервые сделавшую себе причёску в парикмахерской и представившую её на обозрение любимому человеку? Если нет, мне вас жаль. Нет ничего прелестнее, чем наблюдать, как это чудное создание природы, замечательное уже своей молодостью, вдруг появляется перед своим любимым, от мнения которого, как ей кажется, зависит жить ей дальше или не жить, в своей новой причёске, приготовленной именно для него, причёске, которую нельзя не заметить и которая в то же время как тяжесть на голове, настолько она непривычна самой обладательнице, настолько пугает мыслью: «А вдруг не понравится? Что тогда? Умереть сразу же?» и оттого щёки пылают, поднимая температуру всего тела, вызывая дрожь и неуверенность движений.

А глаза. О них невозможно говорить, такие они выразительные в своей мольбе понравиться, такие яркие и понят-

ные каждому, что их лучше сразу спрятать за длинными ресницами, чтобы не выдать всю себя одним взглядом. Потому они испуганно потуплены и лишь ресницы подрагивают, выдавая необычное волнение души. Тело всё замерло в ожидании приговора, лишь упругие груди вздымаются и опускаются непрерывно, не смотря на все усилия девушки остановить их движение. Ноги в туфлях на тонких шпильках-каблуках едва стоят, готовые подкоситься в любую секунду. Прелестная головка произвольно тянется вперёд, как бы желая сказать, что надо смотреть именно на неё с её новой причёской.

Всё это настолько необычно, настолько слито воедино волнующим мгновением, настолько прекрасно напряжённым ожиданием чуда, ожиданием именно восторга, ожиданием восхищения, что не ответить на это тем, что так ожидается, кажется преступлением против красоты чувств.

Боже упаси вас, кем бы вы ни доводились девушке, оказаться в этот миг бесчувственным чурбаном и не заметить столь неземной красоты юности и бросить небрежно фразу:
– Ты чего пришла? Я сейчас занят.

О, вы разобьёте хрустальный дворец, вы превратите золотую карету в груды пепла, вы обратите голубую гладь озера в затхлое болото и, наконец, вы убьёте стрелой равнодушия трепещущее сердце, которое, облившись кровью, никогда не простит вам такой оплошности.

Реакция Романа оказалась для всех неожиданной.

– Ты что, с ума сошла? – почти закричал он. Теперь ты стала ещё красивей. Ты же...

Тут он осёкся, думая сказать «совсем девчонка», но неожиданно осознал, что это уже не так и остановился, в панике от этой мысли не находя подходящего слова.

Видя застывшего в шоке Романа, Алина почти прошептала, едва не плача:

– Я тебе не нравлюсь?

– Причём здесь я? – возмутился, придя, наконец, в себя, но так и не поняв ситуации, Роман. – За тобой и так табунами ходят, а теперь ещё больше будут.

– А что, раньше я была хуже? – обидчивым тоном поинтересовалась девушка.

Ах, эти юные создания! Как часто им не достаточно намёков, а хочется услышать ещё и ещё раз да поподробнее о том, что они красивы, что в них влюблены, что от их красоты с ума сойти можно. А полслова им никак не достаточно.

Роман сел перед приборами, оперев подбородок на локоть, и философски произнёс:

– Алина, как человеческое существо, ты совершенство. Я не сказал, что ты была хуже. Я отметил, что ты стала ещё красивее, а это совсем другое. Только эти волосы в дополнение ко всему сразят наповал всех вокруг.

– А мне нет до них всех никакого дела, – отрезала Алина. – Пусть умирают. Мне важно, что ты, наконец-то отметил моё совершенство, как сам только что сказал. – И, по-

вернувшись к подруге, сказала: – Пойдём, Катюша, к тебе. Не будем отвлекать учёного всякими пустяками.

Совершенство

Если кому захочется посмотреть на женское совершенство, то я очень рекомендую взглянуть на Алину и вовсе не потому, что так охарактеризовал её Роман. Юная Алина, которой только-только стукнуло шестнадцать лет, что было зафиксировано получением паспорта, о чём речь впереди, на самом деле представляла собой образец женской красоты.

Нет-нет, она не пользовалась ещё косметикой, не носила юбки короче, чем позволяли её физиологические достоинства, не уподобляла себя героиням телесериалов. Она была красива сама по себе.

Средний рост Алины едва позволял ей дотягиваться макушкой головы до плеча Романа. Однако для российской девушки такой рост считается вполне нормальным. Это в Англии полагают, что стандартно красивая женщина настолько длиннонога, что легко сядет верхом на коня, не утруждая себя помещением ноги в стремя. В России другие критерии красоты.

Разумеется, глядя на девушку издали, мужчина сначала оценивает стройность её ног, затем бёдра, талию, груди и то, как это всё сочетается с одеждой, с походкой, умением чувствовать себя свободно в окружающем мире.

В этом отношении у Алины было всё в порядке. Части тела отвечали необходимым пропорциям. Икры ног выделя-

лись ровно настолько, чтобы придавать ногам этакую изящную стремительность в движении, не выступая таким образом, чтобы придавать голеним извращённую массивность. Хотя не могу не признаться, что понятие красоты и вот именно изящности весьма относительно. Ибо, например, крепкие женские ноги с очень заметными икрами имеют свою притягательную силу, поражающую воображение мужчин надёжной устойчивостью. Однако ножки Алины, казалось, были выточены умелым мастером с особой любовью к плавным переходам без каких-либо резкостей в изгибах. Такие ножки, наверное, понравились бы самому Пушкину, большому знатоку женских прелестей.

Объёмы груди, талии и бёдер у Алины были в классическом соотношении шестьдесят-тридцать-шестьдесят сантиметров. Роман не производил замеры и не думал о них, но пропорциональность девичьей фигуры подсознательно отмечалась в мыслительных тайниках исследователя, и он любовался девушкой как произведением искусства, никогда, впрочем, не признаваясь себе в этом.

Да, но об упомянутых достоинствах мы говорим, когда смотрим на даму издали. А настоящее знакомство с нею начинается лишь тогда, когда она приблизится достаточно, чтобы вы смогли увидеть её глаза. Не губы, не щёки, не нос в конце-концов, а глаза, поскольку именно они являются той сутью, что способна полностью изменить отношение к человеку. Пустой, ничего не выражающий взгляд, как ненужная

обёртка от съеденной конфеты, которую сразу выбрасывают, может заставить сразу же забыть о красоте, приводившей только что в восторг.

Французский поэт Жак Превер замечательно с фотографической точностью начинает своё восприятие женщины с глаз:

Три спички, зажжённые одна за другой.

Первая, чтобы увидеть твои глаза.

Вторая – чтобы увидеть твои губы.

Третья – чтобы увидеть лицо твоё всё целиком.

И чтобы помнить, тебя обнимая потом,
непроглядная темень кругом.

Глаза – это первое, на что обращает внимание мудрый человек. В них всё, что вы хотите узнать, если умеете читать эту сложную книгу. Не случайно иные люди прячут свои глаза от собеседника, если не хотят выдать свои чувства и мысли.

Глаза Алины большие с чёрными зрачками выказывали огромное любопытство ко всему происходящему, готовность понять собеседника с полу слова и придти к нему на помощь в любое мгновение. Они радовались жизни и хотели жить.

Роман не был поэтом, но стихи любил и некоторые знал наизусть. При мыслях о глазах Алины ему вспоминались строки Есенина из «Персидских мотивов»:

И ответил мне меняла кратко:

О любви в словах не говорят.

О любви вздыхают лишь украдкой,

Да глаза как яхонты горят.

Глаза – яхонты. Нельзя сказать, что Роман знал и мог оценить яхонт, но всё равно ему нравилось, как поэт описал глаза. Роману попали как-то в руки стихи неизвестного ему поэта, которые понравились и тем, что говорилось в них о глазах, и в то же время несколько необычной рифмовкой строк. Правда, эти стихи Роман никогда бы не рискнул прочитать Алине по той причине, что уж очень они совпадали с его собственными чувствами, о которых он боялся даже думать, но строки всё же выучил:

Целую,

хочу я глаза твои видеть,

чтоб в их глубине утонуть, раствориться,

как в ласке бездонной,

тепле необъятном,

как в негу восхода

уйти безвозвратно.

Ревную,

хочу я себя ненавидеть

за то, что не тот я, в кого ты влюбиться

могла бы бездумно

любовью распятой,

что в душу бы дула

крестовой расплатой.

Ревность Роман воспринимал своим сознанием как явление отрицательное, присущее себялюбцам. Ревнуют, как он считал, собственники. Ведь, если любишь не себя самого, а того, кому признаёшься в любви или не признаёшься – не в этом дело, то хочешь всей душой, чтобы тому, другому, или другой, было хорошо, а, значит, всё для другого или другой делаешь даже тогда, когда видишь, что без тебя ему или ей лучше.

Но если любишь кого-то, ой как хочется, как мечтается, что бы и тебя любили. И уж тут от ревности так трудно избавиться, хоть плачь.

Глаза у Алины находились глубоко под бровями, прячась постоянно за длинными ресницами, что позволяло девушке спокойно обходиться без косметических теней, которые для того и пользуют женщины, чтобы убрать выпуклости и создать впечатление глубины.

Ресницы – ах, как они важны для женщин! Целая индустрия моды занимается изготовлением самых разнообразных ресниц. Их наклеивают поверх природных ресниц то игриво загнутыми кверху, то жеманно опущенными вниз.

Алине никакие ухищрения были не нужны. Её ресницы прекрасно скрывали глаза в минуты смущения, замечательно вспархивали, проявляя восторг или изумление, и всегда были заметны.

Роману нравились лаконичные строки стихов, относив-

шиися, по его мнению, именно к Алине:

- Для чего у девушки волосы шёлком скользят на плечи?
- Чтобы спрятать лицо от любимого.
- Для чего ресницы, – ты спросишь, – взлетают и опускаются вечером?
- Что бы спрятать глаза от любимого.
- А руки зачем?
- Если хочешь, буду отвечать тебе вечно: чтобы крепко обнять любимого, чтобы долго потом стоять, целуя опять и опять губы любимого.

Вот именно. Всё в женщине подчинено одному – быть любимой для любимого.

Губы у Алины были достаточно полными и яркими по природе, так что опять-таки не требовали косметической помады для привлечения к ним особого внимания. Такие губы хочется целовать. Знаете почему? Потому что они тёплые. Потому что они нежные. Потому что мужские губы погружаются в них, как в негу, заставляя забывать всё на свете в этом поцелуе. Я не говорю о тех поцелуях, что демонстрируют сегодня актёры с экранов кинотеатров и телевизоров, изображая страсть, когда губы набрасываются друг на друга, как волки, которые собираются проглотить друг друга. Это

всё искусственно и даже противно. Все чувства и действия влюблённых должны быть естественными, произвольными, не продуманными заранее, пришедшими спонтанно по зову души.

Нос на лице Алины выступал мягко, слегка прогибаясь у глаз, и не заострялся, делая лицо занудливо вытянутым, а слегка закруглялся на кончике, ровно так, чтобы не выходить слишком далеко, выглядя любопытным, но и не обрываясь какой-нибудь приплюснутостью, что меняло бы совершенно образ.

Круглые румяные без искусственных румян щёки не казались надутыми или излишне полными, быть может, благодаря едва заметным ямочкам, проявлявшимся особенно во время улыбки, которая казалась неотъемлемой особенностью Алины.

Лицо девушки представлялось бы, наверное, совершенно круглым, если бы не вполне высокий лоб, разумеется, без единой морщинки в таком возрасте, да милый умеренно закруглённый подбородок, выдающийся несколько вперёд, но лишь для того только, чтобы выделиться на фоне чудной шеи не короткой, делающей голову как бы вросшей в плечи, но и не длинной, позволяющей думать, что голова болтается на жёрдочке. То есть шея тоже выглядела пропорциональной, а ожерелье из чёрного агата не только подчёркивало белизну кожи, но и удачно гармонировало с цветом глаз.

Одним словом, у Алины всё находилось на своих местах,

всё было естественно и уже поэтому красиво. Она была совершенством.

Ах, да, я забыл сказать о руках. Простите. Как же можно без них? «Руки милой – пара лебедей» писал Есенин. Именно так, особенно, когда они тебя обнимают, словно нежными крыльями охватывают и не отпускают от себя, прижимая к груди с громко бьющимся сердцем.

По рукам можно тоже читать, как по книге. Вот лежат на колене почти безжизненные ладони, неподвижные, томные, пальцы слегка припухши, на ногтях цветные маникюрные наклейки. Ладонки поднимаются к вам меланхолично, ожидая, что их немедленно подхватят, поддержат. И обладательница таких ладоней никогда не ударит и из проруби вас не вытащит. Её руки к тому не приспособлены. Они ленивы.

А вот другие – живые, энергичные. Тонкие длинные пальцы, привыкшие ударять по клавишам пианино, постоянно в движении и, если замирают на миг, то, как бы вопрошая: Что дальше? Куда? Зачем? Почему? А когда вы возьмёте их в свои руки для поцелуя, в них чувствуется дрожь волнения, переживания – не обманешь ли? Да, это совсем другие руки, на которые в минуты опасности можно положиться – они уж не просят в нужную минуту, и, тем не менее, как же они бывают нежны и восхитительны, лаская своего любимого.

Таковыми были руки Алины, дополняя её совершенство, хотя дарить ласки любимому ей ещё не доводилось

Паспорт

Собственно говоря, Алина обрезала свои косы и сделала причёску именно в день получения паспорта. Для шестнадцатилетней девушки это, конечно, было событием, хотя само вручение документа происходило без особых торжеств в отделении милиции. Проверила, почти не читая, запись в паспорте, расписалась в получении, ответила на пожатие руки женщины в форме старшего лейтенанта милиции, положила своё главное теперь удостоверение личности в сумочку и вместе с поджидавшей её Катенькой, не забывшей посмотреть более внимательно в паспорт подруги, отправилась в парикмахерскую, где и происходило основное событие – расставание с косами и создание новой причёски.

А почему в этот день? Да потому, что просто так ведь никто не увидит, что ты стала взрослой. Ну, лежит паспорт в сумочке, так на лбу же не написано этого. Вчера без паспорта шла по улице, и сегодня с паспортом идёшь – какая разница, глядя со стороны? А никакой. Тогда как на самом деле уже совсем другой человек идёт – взрослый. Для мальчиков, возможно, это не так уж и важно. Они что без паспорта, что с ним, балуются одинаково. Они взрослеют гораздо позже, когда окончат школу, а некоторые вовсе только после возвращения из армии понимают, что стали самостоятельными и взрослыми.

Нет, у девчат иначе. Паспорт дали – можно выходить замуж, рожать детей, то есть выходить на свою дорогу жизни, подчиняясь теперь не маме с папой, а мужу или даже не под-

чиняться ему, а командовать им и ребёнком. Потому и смотреть на мальчишек можно теперь совсем по иному, несколько свысока и в то же время с гораздо большим интересом, думая, кого из них хотелось бы назвать в числе претендентов на место мужа.

Катенька перестала презирать мальчишек, смотреть на них по-особому на три месяца раньше, когда ей исполнилось шестнадцать и был вручен документ, подтверждающий её взрослость. Алина же об изменении своего отношения к противоположному полу даже не думала и, получив паспорт, не собиралась оценивающе смотреть на кого-то из ровесников, поскольку в её мыслях был только один достойный её внимания мужчина – это Роман. Потому и причёска сразу по получении паспорта делалась только для него.

Хотя удивила Алина этим не одного Романа, а и родителей, которые приготовили в этот день праздничный обед по случаю паспортного события и, естественно, пригласили к себе семью Романа в гости. Отец Алины, Пётр Сергеевич, преподававший физику в институте, но время от времени публиковавший рассказы и считавший себя писателем, распределяя места за празднично накрытым столом, счёл необходимым рассадить обычно сидевших вместе девочек, сказав:

– Теперь вы стали взрослыми, а потому должны соблюдать за столом этикет: женщин за столом вместе не сажают. Так что попрошу Романа сесть между нашими очаровательными

дамами и оказывать им посильную помощь в своевременном наполнении их тарелок и бокалов.

Роман давно привык, что его в этой квартире принимают как члена семьи, тем не менее, в этот раз был сильно смущён, во-первых, причёской Алины, и, во-вторых, такой постановкой вопроса, что он должен теперь ухаживать за девчонками. Так что сначала он не знал, что ему делать, а девчата, как нарочно сели, сложив руки в ожидании, когда Роман начнёт им раскладывать закуски, что привело студента в ещё большее смущение. Кончилось тем, что мама Алины, Антонина Семёновна, поспешила сама подняться и начать раскладывать салаты по тарелкам молодых людей.

Но не успели они даже открыть шампанское, как в дверь позвонили. Неожиданно пришли сразу два гостя. Одним был Олег, школьный товарищ Кати и Алины, знавший, что если Кати нет дома, она может быть у своей подруги, потому и пришёл сюда пригласить Катю погулять, догнав на лестничной площадке сослуживца Петра Сергеевича, Ивана Юрьевича, который зашёл не то чтобы в гости, а буквально на минутку познакомиться с отзывом на диссертацию его аспирантки.

Понятное дело, что хлебосольные хозяева не хотели ничего слышать ни о прогулках, ни о диссертациях, а пригласили обоих гостей за стол, заявив, смеясь, что не всякий незванный гость хуже татарина, некоторые бывают лучше, что и требуется доказать за общим столом.

Олега посадили по левую руку от Кати, Пётр Сергеевич напомнил, что теперь обязанностью молодого человека будет следить за тем, чтобы тарелка девушки была всегда полной. Забегая вперёд, скажу, что скоро об этикете все забыли, и девушки, справедливо чувствуя себя хозяйками, сами ухаживали за молодыми людьми, подкладывая им то колбаску, то огурчики, то мясо, что б они поправлялись.

Когда шампанское наконец было открыто – это мастерски выполнил Николай Николаевич, держа бутылку наклоненной строго под сорок пять градусов, благодаря чему пробка с шумом вылетела, но шампанское не выплеснулось на стол, а в сопровождении восторженных возгласов разливалось по бокалам, – Пётр Сергеевич провозгласил первый тост, рассказав вновь пришедшим, что причина сбора вручение Алине паспорта и по этому случаю торжественно прочитал стихи Маяковского о советском паспорте.

Стихи не показались длинными, поскольку Пётр Сергеевич был не только преподавателем физики, но в молодости являлся артистом народного театра, часто выступал на сцене и умел артистично декламировать. Так что, когда он, выдержав эмоциональную паузу, торжественно заключил слова о паспорте:

Я волком бы выгрыз бюрократизм.

К мандатам почтения нету.

К любым чертям с матерями катись

любая бумажка,
но эту

Я достаю из широких штанин
дубликатом бесценного груза:
Читайте, завидуйте, я – гражданин
Советского Союза!

все дружно зааплодировали, а Пётр Сергеевич поднял выше бокал и добавил:

– Так выпьем же этот бокал за наш советский паспорт, который уважали во всём мире!

Гость Герман Георгиевич, усаженный рядом с хозяйкой квартиры Антониной Семёновной, полноватой женщиной, возле которой гость казался совсем худеньким, только крикнул на завершение тоста и, вежливо поддержав несколькими хлопками в ладоши общие аплодисменты, опрокинул рюмочку водки, положил в рот ломтик солёного огурца и потянулся за селёдкой под шубой.

Недостатка в закусках не было. Антонина Семёновна была профессионалом кулинарии, знала толк в соленьях, любила и умела готовить самые изысканные кушанья. Это не было ни Новогоднее торжество, ни Первомайское традиционное застолье и не отмечавшийся по-прежнему широко в их семье день Октябрьской революции, но это являлся всё равно праздник, а потому по русской традиции надо было

хорошо поест за разговорами. И они начались, но не совсем такими, как ожидалось.

Необычность разговору за столом придали слова Германа Георгиевича, который с Петром Сергеевичем давно были на ты и потому сказал:

– Хорошо ты, Петя, читаешь Маяковского. Но вот с твоим оптимизмом насчёт советского паспорта я не совсем согласен. Боялись нас в мире – это да, а вот уважали вряд ли. Сталин внушал людям страх, как у нас в стране, так и за рубежом. Уважения не было.

– О чём вы говорите? – удивилась, сидевшая напротив Ирина Владимировна. – Я всю жизнь преподаю историю в институте. Мы с Николаем работали за границей пять лет и видели, как уважают там советского человека, а, стало быть, и его паспорт. Разве можно не знать того, что в Советский Союз приезжали писатели, учёные из разных стран, в том числе США, Англии, Франции посмотреть собственными глазами на то, что происходит в принципиально новой для всего мира стране? Как же можно было не уважать тех, кто строил что-то совершенно новое для всего населения земного шара, тех, кто создавал новые отношения между людьми, основанные на взаимном уважении независимо от толщины кошелька.

– Ну и чем это новое завершилось? – ухмыльнулся Герман Георгиевич, наливая себе в рюмку водку. – Расхваливаемый всеми Союз развалился. Вот и вся история. Кто я сейчас?

Доктор наук, подрабатываю преподаванием информатики в институте Петра, зарабатываю – едва хватает на жизнь. Теперь представим себе, кем бы я стал, если бы не было революции. У моего деда было две мельницы. Большевики отобрали, раскулачив его. А не отобрали бы, сегодня я бы вёл своё дело, но уж, наверное, не ограниченное одними мельницами. Может, я вошёл бы в число олигархов. А кем будут ваши молодые люди, если не займутся собственным делом? Так же будут прозябать на зарплату, как мы.

– Не так уж мы и прозябаем, – вступил в разговор Роман, показывая на стол. – Однако дело даже не в этом. Я понимаю, что мы живём в относительном достатке, за что должны благодарить не нынешнюю власть, а советскую, при которой моих родителей посылали экспертами за рубеж, что позволило им заработать кое-что на наше сегодня. Вопрос в другом. Вы сожалеете о том, что не можете стать олигархом, а могли бы, не случись революция. Не кажется ли вам, что в данном случае вы думаете лишь о себе самом, а не о народе вообще? Тогда как все революции совершались ради народного блага.

Ирина Владимировна, улыбнувшись, положила руку на плечо Романа, приостанавливая его:

– Извини, но я только поправлю тебя. Не все революции были народными. Были, например, и буржуазные, совершавшиеся ради интересов одного класса – буржуазии.

– Да, конечно, – согласился сразу Роман. – Но суть в дан-

ном случае не в этом. У кулака отняли его мельницы. Вопрос почему?

– Он их заработал собственными потом и кровью, – заметил Герман Георгиевич.

– Но наверняка на этих мельницах кто-то батрачил, получая гроши за работу, иначе у владельца их не было бы дохода. Не работал же кулак сам на двух мельницах. И вот для того чтобы не было батраков, чтобы каждый работал на всех, а не на кого-то одного, совершена была Октябрьская революция. И революционные преобразования потерпели поражение в нашей стране именно благодаря кулаческим настроениям, сохранявшихся, но скрывавшихся тщательно за масками согласия с советской властью. Вы, Герман Георгиевич, хотите, как я понимаю, что бы кто-то, например я, был, образно выражаясь, батраком у вас, но быть батраком у меня вы не согласитесь. Однако и я не хочу на вас батрачить. Так как же нам с вами разрешить это противоречие, чтобы мы не побили друг друга? Только революционным путём, заставив и вас, и меня работать на всех.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся громко Герман Георгиевич. – Очень оригинальное объяснение.

– Герман, – включился в разговор Пётр Сергеевич, широко улыбаясь, – нашему Роману палец в рот не клади – в раз откусит. Давай лучше выпьем за наших дам. Их у нас сегодня меньше, чем мужиков, но все они прекрасны. Так что попрошу: мужчины, стоя, женщины до дна. И каждый муж-

чина локоток с рюмкой на уровень плеча, заглядывает каждой женщине по очереди в глаза и улыбается. Такой у нас порядок. Ребятам нашим, хоть они уже и с паспортами предлагаю разбавлять шампанское минералкой. Удовольствие такое же, но зато не опьянеете с непривычки. Да и соки есть – пейте, что нравится.

Застолье продолжалось весело, пока опять не завязался спор. В этот раз его начал Николай Иванович. Расслабившись от напитков и сытных блюд (на горячее было подано жаркое в глиняных горшочках) он обратился к сидевшему напротив гостю:

– Герман Георгиевич, вы в начале нашего вечера говорили о том, что Сталин вызывал только страх, а не уважение. Не могу не ответить на это, потому возвращаюсь к разговору. Мне кажется, такое мнение вызвано влиянием современных средств массовой информации, которых хлебом не корми сегодня, только дай позлословить о советском прошлом.

– Точнее, – вмешалась, разливая чай и внимательно слушающая мужа, Ирина Владимировна, – именно на этом журналисты зарабатывают свой хлеб сегодня.

– Ты совершенно права, Ириша, – согласился Николай Иванович, кивая головой, и продолжал: – А как вы смотрите на то, что, спустя более пятидесяти лет после смерти Сталина, когда никто уже его не боится, после многих лет пресловутой перестройки Горбачёва, на лобовых стёклах современных КАМАЗов, КРАЗов, которых и в помине не было

при Сталине, часто красуются его портреты, а не изображения того же Горбачёва или современных президентов и политических лидеров? Народ уважает, заметьте, а не боится именно Сталина. И, кстати, паспорт советский вызывал особое уважение при нём, хотя тогда не очень-то и ездили за границу. Зато сегодня тысячи ежедневно выезжают за рубеж нашей Родины, а уважение к российскому паспорту сменилось ненавистью к новым русским, недовольством их поведением, когда они живут на широкую ногу, тратя бездумно деньги, наворованные в своей стране. Не лучше относятся и к тем, кто едет в поисках более счастливой, чем в России судьбы, надеясь на подачки доброго дяди Сэма. И богатых не уважают, и бедных. Вот вам отношение к современному паспорту, о котором теперь не скажешь, как Маяковский «читайте, завидуйте».

Герман Георгиевич внимательно слушал выступление своего оппонента, говоря языком науки, и, качнув, давно поседевшей головой, пригладив пальцем столь же седые маленькие усики, сказал:

– Относительно новых русских я с вами согласен. Ведут они себя не лучшим образом. Но я, наверное, на их месте тоже вёл бы себя так же. После стольких лет нищенской жизни вдруг оказаться при огромных деньгах. Тут от соблазнов отказаться трудно. Но по поводу Сталина не могу вас поддержать. Уважают его многие за страх, который он сумел на всех навести.

– Вы полагаете всё же, что главное страх. – Опять вмешался Роман. – Он вам никак не даёт покоя. А мне думается, главное в том, что он вывел Россию в сильнейшие державы мира. И если уж говорить о страхе мира, то страхе не перед вождём, а перед могущественной страной, которую оставил после себя Сталин.

– Вы собираетесь, наверное, стать учёным? – проговорил примиряющим тоном Герман Георгиевич в ответ на эмоционально произнесенные слова Романа. – А знаете ли вы, молодой, подающий, насколько мне известно, надежды, человек, что знаменитый физик Ландау терпеть не мог вождя всех народов? Вместе с другим московским физиком Корецом он подписал листовку, призывавшую к вступлению в антифашистскую рабочую партию и свержению диктатора.

– Ну и что? Сейчас об этом среди физиков не знает только самый ленивый. Пётр Сергеевич показывал мне текст этой листовки. Во-первых, Ландау написал это в тридцать восьмом году, когда ему было тридцать лет. Есенин тоже почти в таком возрасте писал и подписывал манифесты. Прославиться хочется всем. Наш современный поэт Евгений Евтушенко писал:

«Мне скоро тридцать. Я герой пародий,
статей, разоблачительных стихов.

Приписаны мне прочно все пороки
и все из существующих грехов».

Но кто из этих почти тридцатилетних сохраняет свой пыл

до старости? Евтушенко сник после развала Советского Союза. Вернее, перестроился вместе с перестройкой и перестал быть заметным, как и вся наша поэзия сегодня. Есенин расстался с жизнью до времени. И Ландау после освобождения из тюрьмы, откуда его вытащил академик Капица, перестал бузотёрить, но начал получать правительственные награды и учёные звания. И Сталин его больше не трогал, а сколько говорят о злопамятстве Сталина. Где же оно в этом случае?

Видя, что парень начинает горячиться, Пётр Сергеевич, как бы разминаясь от обеда, поднял со стула своё несколько грузноватое тело, под стать несколько полнеющей жене, подошёл к Роману и, похлопав его по плечу, сказал:

– Всё правильно, Рома, но я добавлю ещё одну важную деталь. История сама доказала, что всё сказанное в листовке было лишь больной фантазией так называемых подписантов. В листовке говорилось, что Сталин ненавидит социализм и готовит страну в качестве лёгкой добычи фашизму, на деле же получилось так, что фашизм был наголову разбит с именем Сталина на устах, а социализм всего за пять-десять послевоенных лет окреп настолько, что охватил своими идеями чуть не половину населения земного шара. Тогда как за такие же пять-десять лет перестройки мы умудрились развалить супер державу, и теперь никак не можем достичь хотя бы доперестроечного уровня в экономике.

Герман Георгиевич развёл руками, говоря:

– Ну, с вами подкованными спорить трудно. Интересно

тогда узнать, как вы, Роман, собираетесь прославиться – гениальными изобретениями или борьбой с правительством?

– Он будет изобретатель, – быстро ввернула Катя, но тут же замолчала, видя нахмуренный взгляд, брошенный на неё братом.

– Катька, не встревай в разговор старших. Сколько тебя учить? – И обратившись к собеседнику, ответил так, словно воспринял слова о гениальности как абсолютно естественное в отношении него определение: – Прежде всего, важно понять, что я ничего не собираюсь делать ради славы. Если я что-то изобрету, надеюсь, что это случится скоро, то лишь с одной целью помочь человечеству решить ту или иную проблему. Человек на земле, по моему мнению, живёт с единственной целью – совершенствовать природу. И что бы каждый из нас ни делал, всё должно отвечать процессу улучшения нашего бытия. Когда каждый это поймёт, жизнь на земле станет прекрасной.

– Да вы не изобретатель, а философ, – рассмеялся Герман Георгиевич. – Хотя эти два понятия весьма взаимосвязаны. Однако мне пора идти. Хоть и не хочется покидать столь серьёзных противников нашего кулацкого сословия, но мне ещё надо перекинуться парой слов с Петром по нашему профессиональному вопросу и бежать с чудесного, но незапланированного мероприятия. Ещё раз от души поздравляю юную леди с получением паспорта и благодарю хозяйку за восхитительное угощение.

Крах

Трах-бах-тарарах – так приходит в жизни крах. Его никто не ждёт, но он приходит. И дело вовсе не в том, что Роману пришлось по окончании института сразу уйти служить в армию. По закону каждый здоровый молодой человек, даже получив высшее образование, должен был отдать долг Родине, обретая какую-то воинскую специальность. Роман попал в десантные войска, где учился пиротехнике, искусству взрывов и их предотвращению и попутно приёмам ведения рукопашного боя. Всё это для нашего повествования важно, однако не имеет никакого отношения к теме краха. Хотя...

В жизни всё взаимосвязано. Говорят, у истории нет сослагательного наклонения: что случилось, то случилось, но не уйди Роман в армию... Ах, не уйди он... Мог не уйти? Конечно, мог. Диплом защитил с отличием. Приглашали сразу в аспирантуру. Но рука судьбы направляла по своему пути. Роману хотелось узнать, что такое армия. В последний раз, когда Роман встретил Алину и Катю у школы, что делал давно уже почти регулярно в свободное от своих занятий время, он стал объяснять сестрёнке и её подружке о своём решении:

– Понимаете, в чём дело? С самого рождения человечества, как общества, так повелось, что мужчина должен знать военное дело, чтобы всегда быть готовым защищать свою семью, землю, Родину. Это не высокие слова, а необходимость. Даже в первобытном обществе женщина занималась очагом, домашним хозяйством, а мужчина охотился и воевал, если

возникла необходимость. Так устроена жизнь.

– Ну что ты такое говоришь, Ром? – возмутилась Катя, хлопая брата сумкой с книгами по спине, – будто мы этого не знаем. Только сегодня уже не первобытное общество. И в армию никто не хочет идти. Сейчас техника воюет, а не люди.

– Не городи чепуху, Катька, – спокойно ответил Роман. – Техника без человека – ничто. Но суть не в том. Армия – это часть жизни любого народа. Я не могу не знать этой части, не познакомиться с нею поближе. Год отдохну от учебников и попробую солдатскую кашу. Что бы вы знали о школе, если бы не ходили в неё каждый день? По картинкам да по рассказам? Это не жизнь.

– Но ты хочешь быть изобретателем, а не офицером, – упрямилась Катя.

– Да, но, не зная жизни, не понимая её проблем, невозможно быть изобретателем. Что бы изобретали знаменитые оружейники Калашников и Мосин или авиаконструктор Яковлев, если бы не знали дела? А ведь их изобретения спасали наш народ.

Катя не соглашалась, буркнув:

– Не всем же изобретать оружие? Будто уж нечего больше.

– Есть, Катька, есть, – успокаивающе ответил Роман. – Я и не собираюсь заниматься армейскими проблемами, но не знать эту важную часть нашей жизни мне никак нельзя.

Тройка молодых людей подошла к высотному зданию, в

котором они жили, и молчавшая до сих пор Алина, протянула подруге свою сумку с книгами, сопровождая это словами, за которыми стояло значительно больше, чем говорилось:

– Катюша, захвати, пожалуйста, мои причиндалы. Я потом заберу.

Она не сказала, что хочет погулять с Романом, не спросила его, хочет ли он этого. Всё всем было понятно.

С того самого дня, когда Алина получила паспорт и укоротила волосы, отношения парня и девушки сложились именно так, как хотелось Алине, то есть почти по взрослому. Они стали часто гулять после школы неразлучной троицей, шли на набережную и по ней к парку, где река уже не отделялась решётчатым парапетом, а текла совсем рядом так близко, что хотелось коснуться воды руками. Алина, если была в джинсовых брюках, дурачась, просила Романа подержать её за ноги, ложилась на гранитный берег, почти всем телом опускаясь вниз, и тогда лишь доставала воду, погружая в неё ладони. Роману приходилось прилагать усилия, чтобы удержать на весу девушку и потом вытягивать её на берег. Катя на такой подвиг не отваживалась: она была несколько крупнее и тяжелее Алины.

То, что подруга попросила Катю отнести её сумку домой, означало, что в этот раз присутствие её на прогулке нежелательно. Это случилось впервые, но воспринято так, словно всё само собой разумелось. Катя схватила сумку, повесила на плечо рядом со своей и взбежала на крыльцо подъезда. Ро-

ман и Алина уже не смотрели на неё. Они шли к реке в некотором смущении, оказавшись один на один друг с другом, но отстранённые друг от друга расстоянием пусть и очень небольшим, однако кажущимся им огромной дистанцией, преодолеть которую в этом возрасте чрезвычайно трудно.

Другое дело, когда они ходили втроём. Катя брала брата под руку и то же самое предлагала Алине. Они весело болтали, не ища повода для разговора. А тут вдруг оба шли рядом, не зная, о чём говорить, и дистанция в несколько сантиметров казалась непреодолимой преградой, пропастью. Алина думала о Романе. Роман думал об Алине. Они чувствовали это, но как же рассказать об этих чувствах? Как перепрыгнуть эту пропасть нерешительности?

Молча, вошли в парковую зону. Тут Алина подбежала к высокой сосне и обняла её, прижимаясь щекой к стволу, говоря со смехом в голосе:

– Ах, ты моя хорошая, ласковая, ну подскажи, что делать.

И вдруг отшатнулась от дерева, протягивая руки к Роману:

– Смотри, Рома, смола на дереве. Я совсем не ожидала. Теперь руки липкие. Что делать? А я, дурёха, сумку Катюше отдала.

– У меня платок есть, – растерянно ответил Роман.

– Ай нет, он не поможет. Прилипнет к руке. Надо водой. О! – воскликнула Алина и глаза её засветились восторженной радостью. – Вода. Она, конечно, поможет. Вот что нам

поможет, повторила девушка. Пойдём, поддержишь меня. – и побежала к берегу.

– Постой! – закричал Роман и бросился вдогонку. – Ты же не в брюках.

И в самом деле, сегодня Алина была не в джинсах, а в лёгком весеннем платьице, голубоватого цвета с большими розами, прекрасно облегавшим чудную талию и в то же время весьма коротким, открывавшим всю красоту стройных ног.

Юная красавица в это время добежала до края бетонной стены и, остановившись, задумалась, но всего на несколько секунд, после чего вскинула на парня огромные глаза, слегка наклонила на бок голову и произнесла:

– Ну и что же, что без брюк? Не могу же я ходить с ладонями в смоле. А ты не смотри на меня. Закрой глаза и держи. Только не вырони, а то придётся нырять за мной. – И она улеглась на землю, сползая к воде.

Роман едва успел подхватить её за лодыжки и тут же услышал:

– Глаза закрой, только честно.

Дорогой читатель, тебе приходилось когда-нибудь стоять на берегу с закрытыми глазами? Даже ничего не держа в руках? Помню я однажды шёл по берегу океана. Глаза у меня не были закрыты, но нас окружала кромешная тьма ночи, волн, набегающих постоянно на берег почти не было видно, и мощь океана настолько ощущалась, что казалось будто я иду не вдоль волн, а прямо на них, то есть какая-то сила

влекла в океан. Так и думалось, что сейчас затянет и не выберешься из волн. Вот что такое темнота у водной стихии.

Роман сплющил веки и слегка откинулся назад, держа крепко за ноги Алину, часть платья которой мгновенно соскользнуло на спину, раскрывая ту половину тела, которую, хоть и прикрытую нижним бельём, не принято показывать на людях.

Она же, проказница, понимая в какое смущение ввела молодого человека, начала полоскать руки в воде, приговаривая:

– Ну вот, теперь будет порядок. Ром, а ты можешь открыть глаза, если хочешь, чтобы не свалиться со мной, но смотри не на меня, а вдаль, на другой берег.

А Роман, откровенно говоря, уже сам открыл глаза, когда почувствовал, что его качнуло и он может упасть в воду, однако посмотреть на другую сторону реки не догадался, устремив свой взгляд именно на девушку и её замечательную фигуру в ожидании, когда закончится мытьё рук.

Наконец поступила команда поднимать вверх, и Роман потянул за ноги, заметив, что теперь и передняя часть платья сползает с ног, цепляясь за берег.

– Ты меня совсем раздел, – засмеялась Алина, поднимаясь с земли.

Роман отвернулся.

– Ну, теперь смотреть можно, чего уж там, – сказала Алина, оправляя платье, – зато руки чистые, смотри, и она про-

тянула вперёд ладони.

Роман обернулся и вдруг схватил её ладони и прижал к своим губам. Мокрые, только что из воды, они сделали влажным его лицо.

– Они мокрые, – прошептала она.

– Ну и пусть, – пробормотал он в ладони.

– Губы мои тоже мокрые, – едва слышно выдохнула она.

Роман отнял ладони от губ, и они мгновенно вспорхнули к нему на шею, пригибая голову к губам Алины.

– Я люблю тебя, – всё так же тихо прошептала она. – Не хочу, чтобы ты уезжал. Не хочу.

Губы их сошлись в поцелуе и долго не расставались.

Не было такого дня в армии, когда бы Роман не вспоминал этот день и эти губы. Но слова Алины «Я чего-то боюсь, Рома» им забылись напрочь и неожиданно вспомнились, когда от его любимой сестрёнки Катьки пришло письмо, в котором она писала, что с Алиной произошло несчастье, и его любовь просит Романа забыть её, потому что они никогда не смогут быть вместе. Что именно случилось, сестра почему-то не написала. Родители тоже прислали письмо, в котором сказали о трагедии с Алиной, но тоже ничего не объясняли, написав, что он скоро приедет и всё сам узнает. Сообщили только, что подлость человеческая не знает границ. Алина же, писавшая ему почти каждую неделю, неожиданно прекратила писать совсем. А ведь они договорились, что как раз к моменту воз-

вращения из армии школьница закончит учёбу, поступит в институт и, не смотря ни на что, они поженятся, и он будет помогать ей в учёбе, а сам пойдёт в аспирантуру.

В то, что рухнули все надежды, Роман не мог поверить. Служба подошла к концу. Занятия на спортивных снарядах, различные тренировки сделали парня ещё сильнее, плечи раздались больше, грудь расширилась. Только нос оставался картошкой и мысль о том, что Алина нашла себе другого, хоть и редко, но прокрадывалась в голову, когда он смотрел на себя в зеркало. Она, эта самая злобредная мысль, не вызывала в нём чувства злости или ненависти к кому-то. Он действительно любил всем сердцем Алину и хотел, чтобы ей было очень хорошо. Мечтал, чтобы она была с ним и был уверен, что сделает её счастливой, но если его нос картошкой помешал ей полюбить его больше всех, то чего же тут злиться на других? Он далеко, а другие рядом, и эти другие красивее и, может, тоже талантливые, умные, смелые.

И всё же не верилось, что Алина переменялась так неожиданно. Последнее письмо от неё было как всегда тёплое, немного смешное, когда писала о школе, и любящее, очень любящее его, с его носом картошкой. Не могла же она ни с того ни с сего измениться. В письме говорилось и о притязаниях школьного товарища, но было ясно, что ему не на что было рассчитывать. Нет, что-то произошло, и это ужасно, что Романа не было рядом. Теперь он снова и снова вспоминал эти прощальные слова Алины «Я чего-то боюсь». Неуже-

ли что-то предчувствовала? Что?

Роман вошёл в квартиру, поставил вещмешок в угол прихожей, обнялся с родителями и Катькой, и сразу заявил, что идёт к Алине.

– Погоди, – остановил его Николай Иванович, – не пори горячку. Алины дома нет. Зайди в комнату, садись и слушай. А лучше умойся с дороги. Поговорим. Разговор будет долгим.

Пока Ирина Владимировна накрывала на стол закуски, Николай Иванович доставал водку, вино и рюмки, Катя уселась с братом на диван и начала рассказывать:

– Сразу после твоего отъезда, когда ты перестал нас встречать у школы, за Алиной начали стрелять ухажёры. То один подкатывается после уроков, то другой. Мой Олег нас часто сопровождал, так что мы в основном успешно отбивались. Но однажды, как я потом слышала, мальчишки поспорили насчёт Алины, кто сумеет её соблазнить. Понимаешь, поспорили на деньги. Сама я точно не знаю, но девчонки между собой разговаривали, будто Арнольд за большие деньги согласился доказать, что сумеет ею овладеть.

– Это большой рыжий что ли?

– Да. В тот день ещё утром в первую перемену он подошёл к Алине и попросил остаться после последнего урока на пару минут поговорить. Естественно, я тоже осталась, попросив Олега подождать во дворе. Это была география. Наша учи-

тельница, уходя, попросила нас закрыть дверь и ключ сдать на вахту. Мы так и хотели сделать. Из класса все кроме Арнольда, Алины и меня вышли, когда вдруг вбегают парень из параллельного класса и говорит, что Олега бьют во дворе. Я выбежала, а Арнольд сразу дверь на ключ и начал приставать к Алине.

В этом месте рассказа Роман схватился за голову и проговорил:

– Ведь я же предупреждал Алину. Зачем было стричь волосы и делать причёску? Кто устоит против такой красоты?

Катя положила руку на плечо брата и продолжала рассказ:

– Алина потом всё подробно мне изложила, но в суде этому не верят.

– В каком суде? – удивился Роман.

– Да, в суде. Алину арестовали за убийство. И она этого не отрицает.

– Как же так? – Роман сжал виски ладонями. – Она не могла сама убить.

– Конечно, не могла. Я это не хуже тебя понимаю, – согласилась Катя. – Но факт остаётся фактом. Когда Арнольд обхватил Алину, как она рассказала, и начал срывать с неё одежду, она с трудом вырвала одну руку и вцепившись в волосы, потянула голову назад. Тогда Арнольд выхватил из-за сапога финку, говоря, что если она не будет его, то не будет ни чьей, но при этом освободил Алину. А она, как это ни покажется странным, отпустила волосы этого подлеца и двумя

руками стала выворачивать ему руку с ножом за спину. Ей это почти удалось, но он был сильный и тяжёлый, навалился на Алину всей тушей и попал боком на свой же нож. Лезвие вошло по самую рукоятку. Пока все бежали на крик, пока ломали дверь, пока вызывали скорую помощь, прошло много времени, и спасти его не удалось. Алина сидела в классе в разорванной блузке и ни с кем не хотела говорить, даже со мной. Приехала милиция, и трое парней из параллельного класса сказали, что Алина давно хотела убить Арнольда. Я кричала, что это неправда, но Алину всё равно арестовали.

В это время Николай Иванович громко сказал: «Н-да!» и пригласил за стол:

– Садимся. Выпьем по рюмашке за приезд и надо серьёзно потолковать. Сейчас к нам придут Пётр Сергеевич и Антонина Семёновна. Всё обсудим. Завтра суд. Будем бороться за Алину.

Судебный процесс для судьи, прокурора и защитника проходил как тысячи других, но был единственным и неповторимым для Алины и тех, кто её любил, кто верил в её невиновность. Хирург, делающий по несколько операций за день, может не обратить внимания на ту или иную жалобу больного, упустив при этом главную. Для него это рутинный поток, в котором отдельный всплеск может показаться случайным. Для больного, которому впервые в жизни делают операцию, каждая деталь кажется особенно важной, каждая

запоминается на всю жизнь, как нечто уникальное.

Новое в судебном процессе было то, что проходил он с участием присяжных заседателей, что было введено в практику совсем недавно, а потому не всем ещё было понятно, как к этому относиться.

В десять часов утра зал был полон. Алина вошла в сопровождении конвоира, ни на кого не глядя. Отвечая на вопросы судьи, вставала, но не поднимала головы. Ей никого не хотелось видеть. Когда женщина судья спросила, признаёт ли подсудимая себя виновной, Алина ответила:

– Да, признаю. Убила бы любого на его месте.

Сидевший рядом адвокат закачал головой. Видимо его подзащитная говорила не то, что он ей советовал. Положение его осложнялось, но он не подавал виду.

Выступление прокурора для многих, знавших хорошо Алину, оказалось громом с ясного неба. По его словам, которые прокурор обещал подтвердить свидетельскими показаниями, получалось, что школьница выпускного класса давно заигрывала с мальчиками с целью выманивания у них денег, для чего пригласила и Арнольда, у которого денег не оказалось, и тогда в гневе она решила на убийство, для чего использовала нож, что носила с собой в сумке. Проблема, по мнению прокурора, состоит лишь в том, что свидетелей самого убийства нет, но есть свидетели, с которыми подсудимая поступала аналогичным образом и добивалась желаемого.

К изумлению сидевших в зале школьных учителей, завуча и одноклассников Алины, один за другим к трибуне свидетелей вышли три парня, утверждавших, что Алина запира-лась с ними в классе, предоставляла им любовные утехы и получала за это деньги. Слушая их, Алина молчала, словно набрав в рот воды, и не поднимала голову.

Затем начался допрос подсудимой. Если бы не угрюмый вид Алины и то, что она, отвечая на вопросы, ни на кого не смотрела, упираясь взглядом в пол, девушка казалась бы прекрасной. Скромная наглухо застёгнутая кофточка тёмно-серого цвета не могла спрятать красоты очертаний фигуры. Волосы в этот раз не были рассыпаны по плечам. Девичья головка была острижена под мальчика, но это сделало лицо более открытым и слегка вытянутым, что добавляло трагичность всему облику страдающего человека.

Алина повторила то, что рассказывала на следствии, но чему не верил прокурор. Он сказал, что подсудимая отрицает, что хотела убить погибшего, тогда как здесь же в суде она заявила, что убила бы любого, кто оказался бы на месте погибшего Арнольда.

– Этими словами, – заявил прокурор, – подсудимая сама выдала своё желание убить.

Орудие преступления – нож, который показал прокурор, Алина, конечно, признала, но упрямо повторила, что никогда не носила с собой нож, а этот тем более не её и в руки она его взяла только когда инстинктивно вынимала из тела

погибшего.

Прокурор аж подпрыгнул от этих слов:

– Как это вы только вынули нож из тела? Неужели погибший сам себя пырнул ножом в ответ на ваше требование денег за любовь? Что же он хотел себе как японец харакири сделать? Но у нас не Япония и совсем другие обычаи. А вынули вы нож из тела только для того, чтобы объяснить нам появление отпечатков пальцев на рукоятке ножа.

Алина замолчала. Сказать ей было нечего. Всё оборачивалось против. Адвокат начал вызывать свидетелей защиты.

После выступления завуча школы, сказавшей, что подсудимая была прекрасной ученицей без каких-либо отрицательных качеств, главным свидетелем защиты, разумеется, была лучшая подруга Алины Катя, которая знала о договоре Арнольда и Алины остаться после уроков. Когда она рассказала, как её вызвали из класса сообщением о том, что бьют её Олега, прокурор тут же поинтересовался:

– Ну и что, его сильно избили?

– Да нет, – обескуражено ответила Катя. – Его вообще никто не бил.

– Вот видите, – и прокурор улыбнулся, – вашего друга, стало быть, никто не бил, а вы оставили подсудимую наедине с жертвой, способствуя тем самым готовящемуся преступлению.

Катя растерялась, не ожидав такого поворота событий. Но тут задал вопрос адвокат:

– Скажите, а кто именно вошёл в класс и сообщил о том, что Олега бьют? Вы можете назвать его имя или показать нам его, если он здесь?

– Да, могу, – ответила Катя. – Вот он сидит. – И она указала на одного из парней, выступавших только что в качестве свидетелей. – Кроме того, я заявляю, что ни он, ни его товарищи, выступавшие здесь, никогда с Алиной не были не только в близких отношениях, но и ни в каких других, так как учатся в параллельном классе и даже не знают, что мы с Алиной всегда уходили из школы вместе, потому что учимся вместе с первого класса и живём в одном доме. Это единственный случай, когда меня от Алины оторвали, и вот такое случилось.

Все выступавшие отзывались об Алине хорошо, но никто фактически не был свидетелем происшедшего, что и осложняло процесс. Когда, наконец, адвокат заявил, что у него больше нет свидетелей, из зала суда раздался голос:

– Я могу быть свидетелем. Разрешите сказать.

Все повернулись на голос. Судья удивленно спросила:

– Представьтесь, пожалуйста. И о чём вы можете нам рассказать?

При звуке знакомого голоса Алина впервые вскинула голову и посмотрела в зал.

– Я жених подсудимой, – заявил Роман. Я только вчера вернулся из армии, потому не принимал участие в следствии. Прошу разрешить выступить.

– Рома, зачем ты здесь? – закричала Алина и заплакала навзрыд, закрыв лицо руками.

Судья, спросив согласие прокурора и адвоката, пригласила Романа к трибуне. Секретарь суда принесла Алине стакан воды, чтобы успокоить девушку.

В ответ на пояснения судьи об ответственности за дачу ложных показаний Роман сказал, что понимает это и начал:

– Я с детства знаю Алину, как подругу моей младшей сестры. Они обе росли у меня на глазах.

Выслушав замечание судьи, Роман поправился:

– Да я говорю о подсудимой. Когда она выросла, мы полюбили друг друга и решили пожениться после моего возвращения с действительной службы. Господин прокурор не верит в то, что подсудимая с её маленьким ростом могла оказать сопротивление такому сильному человеку, каким был погибший. Так вот я заявляю, что перед уходом в армию я научил мою невесту, то есть подсудимую несколькими приёмам самообороны именно для того, чтобы она сумела защитить себя как раз в такой ситуации, в которой она оказалась.

– Вы, стало быть, знали, что так будет? Вы ясновидящий? – прервал его саркастическими вопросами прокурор.

– Нет, господин прокурор, – спокойно возразил Роман. – Глядя на такую красивую девушку, не надо быть оракулом, чтобы предвидеть, сколь много будет желающих добиться её любви. Это азбука жизни.

– Ну, вы нас азбучным истинам не учите, – недовольно

буркнул прокурор. – Говорите по существу, если есть что.

– Хорошо, по существу. Давайте мы с Алиной... простите, с подсудимой продемонстрируем всем приём, которому я учил её и которым подсудимая владеет в борьбе с вооружённым ножом человеком. Тогда вы увидите, оборонялась ли подсудимая или нападала.

– Дельное предложение, – произнёс громко адвокат, буквально вскочив со своего места. – Я поддерживаю и прошу суд провести предложенный эксперимент.

На вопрос судьи прокурор дал своё согласие, но с ремаркой:

– Надеюсь, вы, молодой человек, специалист и не допустите кровопролития в суде.

– Мы будем это показывать не с ножом, а с шариковой ручкой, – пояснил Роман и добавил, – если вы, конечно, не возражаете.

Судья скомандовала:

– Конвой, проводите подсудимую в центр зала для эксперимента.

Переставшая плакать Алина вышла навстречу Роману перед столом присяжных заседателей, буквально дрожа всем телом. Роман сжал кулаки и едва сдерживал себя, чтобы не броситься обнимать свою любимую. Глубоко вздохнув, чтобы успокоить себя, он достал из кармана пиджака шариковую ручку и сказал Алине:

– Ты, пожалуйста, не волнуйся. Всё будет хорошо. Смот-

ри, вот будто бы тот нож, который ты видела. По твоим словам Арнольд достал его из-за голенища сапога. Как он его взял? Лезвие было направлено вверх или вниз?

– Вверх.

Роман зажал ручку в кулак остриём вверх и направил во-ображаемый нож на Алину.

– Теперь делай так, как я тебя учил. Я угрожаю тебе. Это нож в руке.

Алина вдруг перестала дрожать, собралась и, кинувшись вперёд, обхватила двумя руками запястье руки Романа, резко опустила руку с ножом, отвела её в сторону и, пронырнув под нею, прокрутившись на триста шестьдесят градусов вокруг себя, вывернула руку Романа ему за спину. Роман выпустил ручку из рук, освободился от захвата Алины и сказал:

– Вот так ты должна была делать в тот раз.

– Я так и делала, – виноватым голосом стала объяснять Алина, – но когда я выворачивала ему руку, он не устоял, как ты, а упал боком на меня. Я тоже упала, но руку его не выпустила, и он упал прямо на нож. Вот и всё.

– Давай теперь покажем это ещё раз помедленнее, чтобы всем было понятно, – предложил Роман.

Судья согласилась:

– Повторите, пожалуйста, именно так, как это было, то есть попробуйте показать с падением.

Роман взял ручку, и Алина медленно обхватила снова запястье за предполагаемым лезвием ножа, стала поворачи-

ваться вокруг себя, и в этот момент Роман наклонился, имитируя падение. Ручка оказалась прямо у бока и упала парень на самом деле, упёршись в пол, ручка могла сыграть роль ножа.

– Достаточно, – сказала судья, – станьте все на свои места.

– Но это всё предположение – заметил прокурор, поднимаясь. – Могло быть и иначе. Эксперимент показывает, что подсудимая владеет некоторыми приёмами самообороны, которые она могла применять и с целью нападения. Иными словами, по моему мнению, подсудимая как раз не боялась погибшего, зная, что она хорошо подготовлена. А потому легко могла нанести точный удар опытной рукой. Я прошу наших присяжных заседателей обратить внимание на этот факт.

У вас есть ещё что добавить? – обратилась судья к Роману.

– Да, есть.

Роман беспокойно посмотрел на Алину, которая с момента начала его выступления и теперь не отрывала от него взгляда.

– Я хочу сказать относительно показаний свидетелей обвинения. Они говорили гнусную ложь. Вы можете провести медицинское освидетельствование подсудимой и убедиться, что она никогда ни с кем не занималась любовью. Я даю голову на отсечение.

– Поберегите свою голову для другого раза, молодой человек, – язвительно сказал прокурор. – Она ещё вам приго-

дится.

– Для несправедливого суда она мне не нужна, господин прокурор, – отрезал Роман.

Адвокат и тут подскочил и заявил ходатайство о проведении медицинской экспертизы. Ходатайство было принято, и судья вопросительно посмотрела на Романа:

– Вы закончили? Можете сесть на своё место.

– Нет, – ответил Роман решительно. – Теперь я хочу сказать самое главное.

– Вот как? Что же ещё вы нам можете сказать, если всё сказанное ранее было не главным?

Роман опять посмотрел на Алину. Ему хотелось попросить у неё прощения за то, что поздно приехал, за то, что не успел поговорить до суда. До самого последнего момента он не знал, имеет ли он права на то, что сделает сейчас, без согласия самой Алины. Но времени не было. Он решился и произнёс:

– За день до происшедшего события, которое мы сегодня обсуждаем, Алина... извините, подсудимая написала мне письмо. Я хочу прочитать из него несколько строк, которые имеют прямое отношение к случившемуся и, как мне думается, доказывают ещё больше её невиновность. Можно прочитать?

Судья посмотрела на прокурора и адвоката:

– Вы не возражаете?

– Не знаю, что письмо может тут доказать, но я ничего

не имею против, – согласился прокурор, кивнув головой. – Пусть читает.

Адвокат естественно тоже согласился.

Роман был одет в новый чёрный костюм, специально купленный его родителями к приезду сына. Угадать размер было не сложно, поскольку отец и сын хоть и отличались лицами, но имели вполне одинаковую комплекцию.

Когда в семье обсуждали предстоящее судебное заседание, никто не знал, зачем Роман раскрывал свой чемодан и что доставал, перебирая бумаги. Это были сохраненные им письма Алины, самое последнее из которых он взял с собой и вот теперь, достав его из кармана пиджака, представлял на обозрение суда.

– Я тебе писала раньше, что ко мне стал приставать рыжий Колька со своими ухаживаниями. Ну, я и ему, как всем остальным ухажёрам, говорила, что у меня есть жених, который служит в десантных войсках, а потому не рекомендую подходить ко мне с подобными вопросами. Слово «десантник» оказывает магическое действие. Вас все боятся. А сегодня Колька подошёл ко мне и сказал, что хочет поговорить со мною завтра по очень важному для него делу. Не знаю, что он имеет в виду, но думаю, что он будет говорить о тебе. Наверное, ему хочется после школы тоже пойти в десантники, и он попросит меня узнать, как это лучше сделать. Он ведь уже призывного возраста, потому что дважды оставался на второй год. Но ты, Ром, не волнуйся. Я сказала, что раз-

говор будет только в присутствии Катюши. Так что всё будет нормально.

Помнишь, перед твоим отъездом я говорила, что боюсь чего-то? Так вот это уже прошло. Ты скоро вернёшься, я закончу к этому времени школу и мы поженимся. Извини, но после школы я не пойду сразу в институт, как ты предлагаешь. Мне хочется начать с института материнства. Надеюсь, я ясно выразилась?

Роман прекратил чтение и посмотрел на Алину. Она сидела, опустив голову и закусив зубами пальцы, сжатые в кулак.

– Извини, Алина, – тихо проговорил Роман, – но так надо.

Прокурор встал, говоря:

– Письмо несколько меняет дело, но подсудимой ли это письмо? Мы не проводили графологическую экспертизу.

В задних рядах зала поднялась высокая элегантно одетая женщина и громко сказала:

– Я преподаватель литературы в классе, где училась Алина. Мне хорошо известен её почерк, потому что он весьма специфичен. У неё почти все буквы округлые.

– Представьте, пожалуйста, – попросила судья.

Учитель назвала своё имя и фамилию.

– Науков, если у вас всё, вы можете сесть на своё место, а письмо передайте, пожалуйста, через пристава мне, – сказала судья, и, затем, обращаясь к учительнице: – А вы пройдите к трибуне.

Предупредив об ответственности за дачу ложных по-

казаний, судья предложила посмотреть письмо и подтвердить идентичность почерка. Учительница сразу заявила, что письмо написано именно таким почерком, каким писала её ученица.

– В таком случае, – сказала судья, – в связи с важностью информации мы направим письмо на более детальную графологическую экспертизу и произведём другие следственные действия, для чего объявляю перерыв на одну неделю.

Но ещё до того, как снова собрались участники судебного процесса, произошло событие, заслуживающее внимание читателя, ибо оно сыграло свою роль в решении суда по Алине. За два дня до намеченного слушания дела Роман пытался в который раз получить свидание с Алиной, но ему отказали, как не являющемуся официально родственником. В расстроенных чувствах, возвращаясь домой, он свернул на набережную и прошёл к тому месту, где они впервые поцеловались с Алиной. Приблизившись к той самой смолистой сосне, которую обнимала Алина, Роман, охваченный воспоминаниями, хотел тоже к ней прислониться, когда услышал за спиной голоса. Он и не заметил, что за ним по набережной давно уже шли три человека. Это были те самые парни, выступавшие на суде свидетелями обвинения Алины.

Один из них был высокий, чуть повыше Романа. Таких часто приглашают играть в баскетбол. На спортивной майке через всю грудь шла надпись на английском языке «Champion». Двое других были поменьше ростом, но поши-

ре в плечах. Один из них был даже толстоват.

Но оба, видимо, занимались борьбой или штангой. Под короткими рукавами маек тоже с иностранными надписями, как у высокого, видны были накаченные мускулы рук. Все трое одеты в джинсовые брюки, подпоясанные широкими ремнями с металлическими шипами и свисавшими цепочками. Вкусы к одежде у них были одинаковыми.

– Эй, десантник, – сказал высокий, – ты что-то оскорбительно отозвался о нас на суде. Нам это не нравится. Придётся тебе раскошелиться и уплатить штраф за оскорбление. Чем будешь платить зелёными баксами или русскими деревянными?

Они подошли ближе. Все трое ехидно улыбались. Пролетевший от реки лёгкий ветерок донёс запах водки. Парни были прилично выпившими.

Роман бросил быстрый взгляд вправо и влево. В парке никого кроме них не было видно.

Движение глаз его было замечено парнями и понято верно:

– Не бойсь. Никого нет. Гони деньги, если хочешь ещё встретиться со своей кралей.

В этот раз Роман был в армейских брюках, армейских ботинках и спортивной белой футболке без рисунков и надписей. Секунду подумав, он сунул руку в карман брюк и вынул портмоне, достал оттуда десятирублёвую купюру.

– Хватит? – спросил, пряча портмоне в брюки.

– Ты что, издеваешься? – крикнул толстячок. – А ну отдавай весь кошелёк.

– Бери, сколько дают, если поднимешь, – сказал, усмехнувшись, Роман и бросил деньги на землю.

Это только в плохих фильмах для непритязательных зрителей драки на экране длятся бесконечно долго, когда соперники бьют друг друга чем попало, швыряют по десять раз на землю, падают, когда, казалось бы всё кончено с жизнью, но поднимаются вновь и продолжают драться, как ни в чём ни бывало.

В жизни всё происходит гораздо быстрее и проще. В драках важна прежде всего реакция. У десантника она натренирована до автоматизма. У пьяного человека – заторможена.

Первым двинулся было вперёд длинный. Но он именно только шевельнулся в направлении Романа, как в ту же секунду получил мощный и точный удар ботинка в пах, что заставило его мгновенно скрючиться от внезапной резкой боли и со стоном повалиться на землю. Но его тело не успело ещё приземлиться, как стоявший рядом толстячок увидел перед своими глазами два пальца левой руки Романа. Они вошли в глазницы. В сознании толстячка сверкнули молнии и погасли, сменившись адской болью и полной темнотой. Земля закружилась и ушла из-под ног. Пальцы Романа не согнулись крючком, не вырвали глаза совсем, но надолго вывели их из нормального состояния. А ребро правой ладони Романа уже врезалось наотмашь чуть выше плеча в шею третьего опе-

шившего от увиденного парня, и в тот же миг, оборвало его сознание.

Три жертвы лежали на траве под сосной, и на всё ушли считанные секунды. Роман приблизился к продолжавшему корчиться длинному, приподнял его за плечи, тряхнул, слегка ударив головой о землю, и спросил:

– Слышишь меня?

Тот едва кивнул головой.

– Так вот слушай внимательно, – продолжал он. – Когда очухаетесь, объясни друзьям, что на следующее заседание суда вы должны придти и заявить о том, что меняете свои показания и признаётесь, что всё ввали относительно Алины. Не скажете так, убью каждого по очереди. Я предупредил. Всё.

Бросив длинного, он повернулся и зашагал прочь. Трое постепенно приходили в себя.

На следующем заседании суда к вящему изумлению собравшихся и особенно прокурора трое свидетелей обвинения один за другим заявили об изменении показаний и принесли свои извинения подсудимой. Обвинение полностью рассыпалось. Присяжные заседатели признали единогласно, что подсудимая не имела намерения убивать, а напротив, оборонялась, а потому в убийстве невиновна. С этим вынужден был согласиться и прокурор. Алину оправдали.

Однако для Романа это была радость с огорчением. Прямо

в зале суда после освобождения от конвоя и заключительных слов судьи, все бросились обнимать Алину. Но когда подошёл Роман, она низко опустила голову и прошептала:

– Спасибо тебе, Рома. Ты настоящий друг. Ты спас меня. Это навсегда останется со мной. Но давай забудем о нашей любви. Я стала совсем другой и не могу портить тебе жизнь. Мужчины для меня умерли. Извини. Я не хочу ни мужа, ни детей. А тебе такая жена не нужна.

Роман слушал, не веря своим ушам.

– Алина! О чём ты говоришь? Мы же всё решили. Ничего не меняется.

В ответ тихо, но резко прозвучало:

– Нет! Всё изменилось. Прости, пожалуйста.

Алина отвернулась от Романа к родителям. Те тоже ничего не понимали. Только стоявшая рядом Катя и всё слышавшая, тронув за плечо брата, проговорила:

– Успокойся, Рома, это пройдёт. Она слишком перенервничала. Не дави на неё сейчас.

Но это был крах надежд. Это был крах всех планов.

Всё родится весной

Вот, дорогой, уважаемый читатель, исследователь людских душ, мы и добрались почти до того, с чего началось наше повествование. Если б только знали участники описываемых событий, какой эффект они произведут в недалёком будущем на жизнь в стране, да что там в стране, во всём мире. Если б только люди могли осознавать, что любое их дей-

ствие может оказать непоправимое влияние на судьбы тысяч, а порой и миллионов людей независимо от их желания, наверное, многое делалось бы иначе. У нас говорят: «Знал бы где упадёшь, соломку бы подстелил». Это верно. Так ведь не знаешь, где споткнёшься, где упадёшь. А стелить соломку заранее на всякий случай – соломки не хватит на всю-то жизнь.

Роман поступил в аспирантуру и, как говорится, оправдывая свою фамилию Науков, с головой ушёл в науку.

Катя успешно сдала экзамены в юридический институт, что позволило ей попасть на бюджетное отделение. Алина не могла последовать за подругой, так как не получила аттестат об окончании школы. Чтобы не терять времени зря, пошла работать и не куда-нибудь, а в милицию секретарём начальника отдела по борьбе с преступностью. Так что неразлучная в прошлом троица собиралась теперь вместе крайне редко. Практически это случалось лишь на праздничных застольях, когда по традиции семьи Алины и Романа устраивали совместные посиделки. Всякий раз при этом обе семьи делали попытки уговорить Алину выйти за Романа за муж, но она стояла на своём, говоря: «Не могу я портить жизнь любимому человеку. Я перестала любить мужчин».

Роман по совету сестрёнки не настаивал. Ни в театры, ни в кино, ни на прогулки он Алину не приглашал. Да и некогда ему было. Целый день работа в аспирантуре научно-исследовательского института, а вечерами до поздней ночи он про-

сживал то в центральной библиотеке за чтением каких-то срочно нужных ему книг, то дома в своей комнате за лабораторным столом, проводя какие-то эксперименты. Осень и зима оказались очень напряжёнными.

Но пришла весна, правда, запоздалая, как часто бывает в средней полосе России. Зато апрель выдался на редкость жарким. Буквально в несколько дней деревья по всему городу украсились свежей зеленью, газоны и клумбы наряжались яркими цветами, словно соревнуясь, в каком районе города они пышнее и красочней. Возбуждающие медоносные ароматы наполнили воздух, оттесняя собой, где возможно, перегары автомобильного транспорта. Каждый вечер на дороги выезжали поливальные машины прибивать поднятую движениями пыль и устоявшуюся за день жару.

Первого мая у Романа был день рождения. Как и каждый год в этот день, ближе к вечеру Алина с мамой и папой пришли в гости к Науковым. За неделю до этого дня Роман предупредил Алину, что бы она обязательно явилась, так как у него для неё есть сюрприз. За праздничным столом было шумно и весело, телевизор не включали, играла музыка и даже начали было танцевать, когда Катя заявила, что ей нужно бежать на вечер в институте, а Олег давно заждался её на улице. Чмокнув брата в щёчку, она убежала. Тут поднялся и Роман, предложив Алине прогуляться в такой чудный вечер и пообещав показать ей нечто очень удивительное. Оставив родителей праздновать одних в своё удовольствие, молодые

люди вышли из дома. Роман прихватил с собой в полиэтиленовом пакете большой свёрток, который, как он объяснил, и был сюрпризом, но для которого требовалось большое пространство.

– Там у тебя что, складной самолёт? – рассмеялась Алина.

– Близко к тому, но не он, – улыбаясь, ответил Роман.

– Ну, значит, ковёр-самолёт, и мы полетим над Москвой.

– Близка к разгадке, но не угадала.

– Ну и ладно, – вздохнула Алина. – Куда же мы пойдём?

– Если не возражаешь, к реке. Там в десять часов хорошо будет наблюдать фейерверк.

Из раскрытых дверей и окон соседнего ресторана доносилась громкая музыка. Вокруг с весёлыми криками бежали мальчишки и девчонки. По набережной гуляли парочки влюблённых, мамы и бабушки везли детские коляски, прогуливая своих детей. Кто-то катался на роликовых коньках, кто-то на досках, чинно со своими питомцами шагали владельцы догов, овчарок, терьеров и других породистых собак.

Роман повёл Алину вглубь парка, спустившись к реке там, где у неё уже были настоящие берега без гранитного обрамления. Береговая полоса здесь сузилась до предела, ограничившись еле заметной тропинкой. Разумеется, гуляющих в этом месте не было, но Алина ничего не боялась. С детства она привыкла доверяться Роману полностью и всё же она спросила:

– Куда ты меня ведёшь, Сусанин? Мы сумеем выбраться, когда стемнеет?

– Не волнуйся, последовал ответ. Сюда почти никто не ходит, а я не хочу, чтобы мой сюрприз видел кто-нибудь ещё, кроме нас с тобой.

– Такой особый сюрприз?

– Да. Это моё изобретение. Я придумал его для тебя. Если оно сработает, мы будем с тобою счастливы.

– Что ты придумал, Рома? А ну раскрывай свою тайну. Может, мне это не подходит?

– Нет, Алиночка. Это не костюм, который может подойти или нет. Впрочем, ты сейчас сама всё увидишь.

Роман посмотрел на часы. Через минуту – десять. Тропинка привела к небольшой площадке на берегу.

– Сюда обычно приходят рыбаки. Это они протоптали тропинку. Но сегодня рыбаков не будет, – говорил Роман, доставая из пакета свёрток и разворачивая его. – Смотри. Я устанавливаю на площадку нечто вроде ракетницы.

Он поставил трубу на растопыренных ножках на песок и проверил её устойчивость. Оставшись довольным, достал ещё один свёрток, поясняя свои действия:

– А вот и ракета. Слышишь, уже начали пускать фейерверки? Сейчас пустим и мы. Но у меня ракета особая. Она по моему замыслу должна лететь выше других ракет раза в два, светить гораздо ярче других ракет и держаться в воздухе как минимум сутки. Вот такая это необыкновенная ракета,

если получилась.

Роман опустил в трубу какое-то сложное сигарообразное устройство. Подсоединил к трубе бикфордов шнур, поджёг его и потянул Алину в сторону, предупредительно говоря:

– Ты не бойся, не взорвётся. Я в армии и не такие пиротехнические чудеса устраивал. Главное смотри, как это будет красиво.

Шнур горел неторопливо, так что можно было спокойно успеть отойти на безопасное расстояние.

– Фокус в том, – продолжал пояснения Роман, – что я объединил свойства обычной ракеты со свойствами космической ракеты. Моя, конечно, в космос не полетит, но зато у неё во время полёта раскроются крылья, как у планера, и она будет парить в небе очень долго. Если, конечно...

Слово «получится» он не успел договорить, как огонь шнура достиг капсулы пусковой трубы, раздался оглушительный хлопок, и ярко-голубое пламя вырвалось из трубы и понеслось вверх, рассыпая разноцветные искры. Через несколько секунд ракета превратилась в звёздочку, обронившую несколько зонтов сначала красных, потом оранжевых, зелёных и голубых огней. Это казалось феерической неправдоподобной картиной, от которой невозможно было оторвать взгляд.

Алина стояла за спиной у Романа, положив ему руки на плечи, и заморожено смотрела в небо.

Роман прошептал:

– Алина, это мой подарок тебе – звезда нашей любви. Красный зонт – это наша любовь, оранжевый – наши надежды, зелёный – рождение, сама понимаешь, кого, и голубой – моя голубая мечта быть всегда с тобой.

Он повернулся к девушке. Её руки соскочили с плеч, но она тут же подняла их и обняла шею Романа, тяжело дыша и прерывисто говоря:

– Ромочка, милый... Я не знаю, что со мной происходит... Какая же я была дура... Разве можно было так с тобой? Я ничего не понимаю, но очень хочу твоей любви... Да, да, сейчас... Пойдём к нам домой в мою комнату... Или нет, лучше здесь... Нас ведь никто не увидит... Пусть у нас будет ребёнок... Дети... И все будут как ты – умные, смелые, сильные... А я буду вас всех любить...

Фейерверки давно закончились. Небо по ночному стало тёмным и звёздным. Но среди всех сияющих ярко звёзд одна была самая яркая.

Первая майская ночь ещё не успела остыть от дневной жары. Тёплые волны воздуха прокатывались над Москвой, медленно перемещая ракету-планер над городом, привлекая к себе взоры тысяч и тысяч восторженных наблюдателей её полёта. Многим показалось, что в небе очень медленно движется самолёт. А это была ракета, изменившая жизнь миллионов людей, которые сами ещё не знали об этом, как не знал и её создатель, думавший только о своей любимой.

Роман утаил от Алины самый главный аспект его экспери-

ментальной ракеты. В ней находился особый придуманный им состав, который под воздействием тепла начал излучать во все стороны невидимые лучи, возбуждающие в человеке непреодолимое желание любви к противоположному полу. Почти год он работал над этой идеей, чтобы помочь Алине преодолеть ненависть к мужчинам, вызванную попыткой её изнасилования с трагическим концом и судебным процессом. В библиотеке он прочитал десятки книг по астрологии, пытаясь понять, как положение звёзд может влиять на действия человека, изучил книги по биологии животных организмов, подробно ознакомился с физическими процессами невидимых частиц, выполнил в своей домашней лаборатории сотни комбинаций химических составов, пока не придумал один единственный. Молодой начинающий учёный слышал об экспериментах, проводившихся и продолжающихся в Германии и некоторых других странах по нахождению средств воздействия на психику человека. Но его в данном случае интересовала не столько психика, сколько физиология. Это был тот самый случай, когда гениальность рождалась десятую процентами таланта и девяноста процентами труда.

Стремление спасти Алину, сделать её снова нормальной любящей женщиной было настолько велико, что не позволяло Роману думать о том, что взлетевшая ракета своим мощным невидимым воздействием охватит не только его любимую, но и всех других людей, очутившихся в пределах дося-

гаемости лучей ракеты. Другой ошибкой молодого исследователя было предположение, что сигнал будет передаваться через органы зрения, тогда как на самом деле он проникал в организмы даже тех, кто не видел ракеты и не подозревал о её существовании. Таким образом, в ночь с первого на второе мая и весь последующий день, (как и рассчитывал Роман, ракета летела долго) все люди Москвы и близлежащих областей (ракета под влиянием розы ветров упала в далёком посёлке Предуралья) оказались в состоянии сильного любовного возбуждения, но не просто с желанием удовлетворения своих сексуальных потребностей, а по причине неожиданно сильного чувства любви к находившемуся рядом человеку. Хотя, конечно, чувство это рождалось возросшей неожиданно физиологической потребностью в любви. Это были сутки всеобщего счастья для тех, кого коснулась лучами ракета.

ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ И БЕЗ ГРАНИЦ

Эпидемия любви

В конце рабочего дня Девочкин позвонил в медицинский институт своей бывшей преподавательнице профессору в вопросах гинекологии Красильниковой:

– Елена Николаевна, здравствуйте, Девочкин беспокоит. Тут у меня какая-то непонятная история получается. Смена подходит к концу, а в приёмной полно пациенток. Я уже осмотрел тридцать женщин. Все беременны, у всех зачатие

первого мая и, что самое странное, среди них в основном либо почти дети, либо женщины возраста за сорок, то есть те, кто никак не предохранялись, полагая, что уже не родят.

В ответ Девочкин услышал то, что заставило его ещё больше изумиться:

– Здравствуйте, Коля. Рада, что вы позвонили. Мне уже поступила подобная информация из других консультаций и поликлиник. Но знаете, что я вам хочу сказать. Меня саму это удивляет в немалой степени, особенно то, что я тоже оказывается в таком же положении и тоже по причине любви первого мая.

– С чем вас и поздравляю!

– Спасибо. Вы, наверное, поражены? Догадываюсь по вашему молчанию. Действительно, как можно получить беременность в шестьдесят лет? Мы же с вами совсем недавно отмечали мой юбилей. И вот на тебе. Я-то думала, что это уникальный случай и мне в пору будет объявить об этом на симпозиуме и позвонить в редакцию книги рекордов Гиннеса. Впрочем, вы же помните, я рассказывала в своей лекции о женщине на Кавказе по имени Улла Марушева. Ей сейчас сто двадцать три года. Недавно показывали по телевизору. Она родила сына Ахмеда в возрасте семидесяти девяти лет. Это действительно уникальный случай. Сын её уже умер в возрасте сорока лет, а она продолжает здравствовать. Но сегодня весь день звонят, и вы вот сообщаете о том, что приходят возрастные пациентки. Так что я уже не единственная

такая. У меня, между прочим, есть внук, который собирается стать отцом. Представляете, вдруг у меня родится мальчик, и тогда ребёнок моего внука будет моим правнуком и в то же время старше своего дедушки, то есть моего сына. Ужас!

– Но что же делать, Елена Николаевна? – обескуражено спросил Девочкин.

– Работать, Коля, работать. И анализировать внимательно все данные. Что-то явно произошло, но пока мы не знаем что именно. Я созвонилась с министерством здравоохранения, там просят не поднимать панику и не сообщать пока ничего журналистам.

– Да что вы, Елена Николаевна? Я уверен, что пациентки сами уже трезвонят в редакции. Завтра же будут корреспонденты.

– Вы правы, Коля, но попробуем удержать их несколько дней хотя бы. Надо же разобраться в происходящем. Ведь если сегодня клиентов столько с учётом, конечно, праздничных дней, когда поликлиники не работали, то дальше поток может возрасти, так как практика показывает, что не все женщины сразу обращаются к нам за помощью. Готовьтесь к росту напряжённости и давайте мне каждый день статистику.

Девочкин положил телефонную трубку на рычаг, развёл руками и возвратился в кабинет. Часы приёма у него заканчивались, но ему самому было интересно понять, что произошло, потому он попросил медсестру остаться вместе с ним и подробнее записывать рассказы пациенток.

– Если мы не примем оставшихся сегодня, то они придут завтра, что сделает очередь ещё большей, – сказал он Татьяне Ивановне, и они проработали лишних два часа.

Однако на следующий день на запись к гинекологу пришло ничуть не меньше желающих узнать о своём состоянии, что привело врачей поликлиники в большое волнение.

– Если так пойдёт и дальше, – говорили они, – то мы вообще не справимся.

Главврачу пришлось срочно отзывать специалистов, ушедших в отпуск, и просить помощи у министерства. Надо было привлекать сторонних врачей, а это упирается в зарплату.

Более того, выяснилось, что почти весь женский персонал больницы оказался в положении беременности, поскольку у многих возраст превышал сорокалетний, некоторые женщины не были готовы к любовным играм в первомайскую ночь и не предохранялись, кто-то был уверен, что никогда не родит, и беременность для них оказалась полным сюрпризом.

Такое положение было по всему городу. Естественно журналисты прознали о сенсации буквально в тот же день, прежде всего потому, что среди журналистов Москвы добрая половина женщин, которые сами оказались в интересном положении, побежали после праздников в поликлиники, но сначала каждая из них полагала, что приятная или неприятная для них новость касается только её одной. Лишь к концу дня стало известно, что неожиданная беременность прини-

мает характер эпидемии, которую никто пока объяснить не может.

На следующий день новость обсуждалась буквально везде, ибо в каждом частном или государственном учреждении работали женщины. Обсуждали в государственной и городской думе, во всех министерствах и ведомствах, в школах и институтах и даже в больницах, где в первомайскую ночь, как становилось известно, происходили незапланированные никем половые отношения. Многие женщины не приходили или опаздывали на работу в связи с необходимостью проставления очереди в женской консультации.

Уже на второй день, когда сенсация облетела столицу, вопрос стал очень остро, требуя немедленных действий, поскольку находилось немало женщин, которые хотели сразу же избавиться от беременности, а врачи не знали, стоит ли их уговаривать сохранить ребёнка. Проблема была в том, что в эту ночь случилось множество внебрачных связей. До этого дня никто не задумывался, сколько женщин работает в ночную смену, сколько находятся на дежурствах там, где работа идёт круглосуточно даже в праздники и выходные. В первомайскую ночь эти женщины и находившиеся рядом мужчины тоже вспыхнули любовью друг к другу даже те, кто никогда раньше не испытывал взаимной симпатии.

О насильственной любви в эту ночь никто не упоминал, ибо всегда она происходила по обоюдному не то что согласию, но стремлению, что отмечали и те, кто впервые и слу-

чайно встретились первого мая.

Первые несколько дней сенсация гуляла по страницам газет, звучала на радио и телевидении, обрастая фантастическими слухами, принимая самые невероятные формы.

Верующие говорили о появлении на земле Купидона, который расстрелял всех стрелами любви с особой начинкой. Неверующие утверждали, что правительство запустило секретный проект для увеличения резко снижающейся численности населения. Оппозиция с одной стороны не возражала против роста народонаселения, с другой стороны усмотрела в этом элемент насилия, поскольку не все же женщины мечтали о новых детях.

С каждым днём число посетителей женских консультаций росло. Теперь проверяться шёл буквально весь женский пол, невзирая на возраст. Очень многие не замечали своего интересного положения и узнавали о нём, поддавшись общей панике, только от врача, который подтверждал самые худшие опасения или наоборот самые радужные надежды.

Наконец государственная Дума решила провести специальные слушания по вопросу предполагаемого демографического взрыва. Слушания передавались по телевидению в прямом эфире.

Сначала выступил главный санитарный врач, к образу которого все давно привыкли. Его задачей было успокоить народ, что он и попытался сделать, заявив, что причин для паники нет. Сексуальную эпидемию история человечества ни

разу ещё не наблюдала. И таковой быть не может. Огорчаться не стоит. Скорее надо радоваться. Он напомнил, что последние годы численность населения в стране сильно сокращалась и потому была запущена президентская программа, направленная на улучшение ситуации.

– Очевидно, – сказал он, – женщины да и мужская половина населения Москвы решила наконец активно поддержать эту программу. Честь им и хвала за это.

В ответ на такие слова раздалось столько криков возмущения с мест, что какофония голосов заглушила всё, что продолжал было говорить главный врач страны и тогда, пожав плечами и удивлённо разводя руками, он сошёл с трибуны.

Место его тут же занял кто-то из оппозиции.

– Минуточку! Я прошу внимания. Смешно говорить о поддержке правительственной программы. Главный врач не понимает, о чём говорит. Мы много лет уже наблюдаем падение численности русского населения, что вызвано, мы об этом заявляли не раз, специальной программой геноцида нашего народа, разработанной на западе. Им хочется довести нас до ручки, то есть до минимума, чтобы потом легче было брать нас голыми руками и пользоваться нашими гигантскими природными ресурсами в целях своего обогащения. Так вот нам надо подумать, не кроется ли за сегодняшними событиями с неожиданным ростом какая-нибудь очередная провокация. Мы должны быть готовы к её отражению. Для этого необходимо детально разобраться с тем, что про-

исходит, а не успокаивать байками о решении президентской программы, на которую, кстати, почти никто из молодых людей не откликнулся. То, что было предложено молодым семьям за рождение ребёнка, по сути, являлось подачкой, а не реальной поддержкой семьи. Сегодня нам нельзя повторять эту ошибку. Следует немедленно решать, что делать, если родится армия детей. Но в первую очередь надо запретить делать аборты. А то многие уже требуют этого. Дети нашему государству нужны!

Последнее произнесенное на высокой эмоциональной ноте восклицание выступавшего было встречено бурными аплодисментами. Фраза «Дети нашему государству нужны!» пошла лозунгом по всем средствам массовой информации.

Спокойно, со знанием дела и без каких-либо эмоций выступил академик, всю жизнь занимающийся проблемами демографии:

– Господа, приведу несколько цифр. По официальным данным текущего статистического учёта в Москве проживают десять с половиной миллионов человек. Я, конечно, несколько округляю для облегчения усвояемости информации.

Никому бы и в голову не пришло говорить народным избранникам в парламенте такие выражения как «усвояемость информации» или «текущий статистический учёт», но это выступал учёный до мозга костей. Ему его речь казалась нормальной.

– Но это мы имеем в виду лишь постоянно проживающих горожан. О других я скажу чуть ниже. Теперь вообразим себе, что первого мая, а речь идёт пока только об этой дате, другую в качестве любовной, так сказать, эпидемии никто пока не называет, так вот вообразим себе, что в эту ночь добрая половина женского населения столицы зачала по неизвестной нам пока причине. Я сам, знаете ли, на старости лет, вынужден признаться, не удержался в эту ночь от соблазна любви, хотя не помню, когда в последний раз предавался таким утехам.

Академик смущённо улыбнулся, шлёпнул себя по лысине левой рукой, а ладонью правой погладил пышную седую бороду на груди. Зал взорвался хохотом. Академик подождал немного и продолжал:

– И представьте себе, что и моя супружница в возрасте, как и я, далеко за средним заявила мне вчера, что ожидает ребёнка и не знает, как к этому отнестись. И я, знаете ли, не знаю. Ну-с, не в ней одной дело. Женщин у нас, как вам известно, больше, чем мужского пола. Это, стало быть, не менее пяти миллионов. Учтём детский возраст и тех, кто не попался на удочку любви, используя предусмотрительно различные предохранительные средства, тогда получится, что два с половиной или три миллиона могут произвести на свет через девять месяцев новых любителей жизни, наследников или наследниц. Это на четверть увеличит численность жителей Москвы. Тогда как ежегодно у нас рождалось всего око-

ло ста тысяч новых жителей столицы, составляя более десяти процентов от всей численности. При этом уровень смертности у нас, увы, превышал четырнадцать процентов, что и приводило к падению всей численности собственно москвичей. А посему следует, во-первых, внимательно проконтролировать, не произойдёт ли внезапно и рост смертности параллельно с ростом рождаемости. Этого допустить нельзя. Под особый контроль необходимо взять пожилых женщин, собирающихся стать матерями. Это задача не завтрашнего, а сегодняшнего дня, если не сказать вчерашнего. И, конечно, надо сейчас уже думать, куда мы поместим стольких рожениц одновременно, хватит ли на всех в Москве медикаментов и всего остального, что потребуется на такое количество новорожденных.

Академик сделал паузу, вытер платком вспотевшую лысину и, сняв для чего-то очки, тряхнув ими, словно грозя кому-то, сказал:

– Но, дорогие мои, мы обязаны в то же время разобраться, какую часть населения захватила эта любовная волна. Ведь нам стало известно, что не только Москву она захлестнула. Мне доложили, что восточное Подмосковье и даже области дальше к Уралу испытывают ту же ситуацию. Правда, там пострадавшие или счастливицы называют днём зачатия второе мая. Ну, я думаю, это не столь существенная разница. По-моему влияние чего-то происходило в пределах суток. Вопрос – почему только эти регионы? Тут выступают в печат-

ти разные футурологи, астрологи, гадалки. А нам надо найти научное объяснение, почему эта эпидемия, словно ветром пронеслась в одну сторону и затихла. Надо не спать днями и ночами, но найти разгадку. Кроме того хочу отметить, что ежедневное фактическое население Москвы в среднем превышает не десять, а двадцать миллионов человек за счёт зарегистрированных приезжих – это около двух миллионов, нелегальных мигрантов и гастарбайтеров – около миллиона и остальные семь миллионов относятся к тому, что мы называем маятниковой миграцией, то есть те люди, что прибывают в Москву на учёбу и работу из агломерации, приезжие в гостиницах и других временных местах проживания, транзитный поток в поездах, самолётах, туристы. Эти люди, случившиеся в Москве первого мая, могли также оказаться охваченными любовным экстазом, а теперь посещают акушеров в разных регионах страны, не зная, что подвержены той же эпидемии внезапной любви. Всё это нам следует учесть. Благодарю за внимание, – по инерции, как после доклада, заключил свою речь академик и покинул трибуну.

Следом за академиком слово попросил представитель министерства иностранных дел.

– Я скажу коротко. Тут партийный лидер намекнул на запад, предположив, что это их происки. А я хочу в дополнение к выступлению уважаемого академика напомнить, что у нас в Москве работают посольства и представительства всех стран мира. Не буду называть число людей, проживающих

на их территориях, но сообщаю для вашей информации, что проблема первого мая у них возникла так же, как и у всех жителей Москвы. Нам звонят по этому поводу с большим беспокойством. Так что я не думаю, что кто-то организовывал провокацию против нас, не позаботившись о своих сотрудниках в Москве. Прошу при разработке мероприятий учесть и эту деталь. Иностранных граждан в Москве, в том числе и туристов, превеликое множество. У меня всё.

Словом, споры в думе разгорелись не шуточные. И с этого дня вопрос о возможных последствиях первомайской ночи любви стал обсуждаться на всех уровнях, начиная от президентских совещаний и кончая заседаниями педсовета средних учебных заведений, столкнувшихся практически с почти неразрешимой проблемой, состоявшей в том, что в школе большинство преподавателей женщины, и что же в таком случае делать, если в середине учебного года почти все начнут уходить в декретный отпуск. Директорам школ и колледжей хотелось издать приказы, запрещающие учителям рожать в середине года, но на другое время приказом роды не перенесёшь, а запретить рожать вообще было невозможно, так как Дума как раз успела предупредить о недопустимости таких запретов. Помимо этого, многие директора школ были сами женщины и сами хотели иметь ещё одного ребёнка.

Сенсация за сенсацией

Аллочка, а если назвать её полным именем, то Алла Владимировна Старикова, после посещения женской консульта-

ции и получения приговора Девочкина о том, что она беременна, идти к другому врачу, как обещала, на самом деле не стала. Сама по себе мысль о том, что она вдруг ни жданно ни гадаю станет матерью, сначала испугала, а потом обрадовала так, что теперь думать о чём-то другом просто не могла. У неё будет ребёнок.

Она видела большую очередь в консультации, но думала, что так там бывает всегда. Она не слушала, о чём говорили другие женщины. Ей вообще не нравилось слушать то, что не относится лично к ней. Работая в библиотеке, она привыкла к тишине, к огромным стеллажам умных книг. И то, что в конце дня стало почти для всех сенсацией, её в этот день не коснулось. Сенсацией для неё было собственное состояние, к которому надо было привыкать и которым вдруг захотелось с кем-то поделиться. Ну как же? Ведь все, наверное, думают, что она хромоножка в любви и на что уже не способна. А она вот уже беременна. И кто же у неё будет: мальчик или девочка? Ах, да не всё ли равно? Нет, к мальчикам она не привыкла. Даже не знает, как с ними обращаться. Другое дело девочка. Они послушные, ласковые.

Рассуждая так сама с собой, Аллочка шла на работу, с которой пришлось отпроситься ненадолго проверить кое-что в своём здоровье. Заведующая легко её отпустила, сказав, что потом сама пойдёт к врачу за советом. Тогда они ещё не знали, что причина похода к врачу у них была одна и та же. Подходя к институтскому корпусу, на первом этаже которо-

го находилась библиотека, Аллочка нос к носу столкнулась ни с кем иным, как с Николаем Николаевичем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.